

АЛЕКСАНДР ШИРОКОРАД

БЛОКАДА

**ПОЛНАЯ КАРТИНА
БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД**

1941–1944

Александр Широкоград

**Блокада. Полная картина битвы
за Ленинград (1941 – 1944)**

«Алисторус»

2019

УДК 82-312.6
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Широкоград А. Б.

Блокада. Полная картина битвы за Ленинград (1941 – 1944) /
А. Б. Широград — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907149-79-3

Александр Широград – автор более сотни книг по военной истории. Свою новую книгу он посвятил 75-летию полного освобождения Ленинграда от блокады (январь 2019 года). В ней показана полная картина одного из самых драматических сражений Великой Отечественной войны – битве за Ленинград, которая шла с 1941 по 1944 годы. Автор приводит сведения военного характера: состав войск обеих сторон, стратегию и тактику советского и германского командования, военные операции; говорит об истинной роли финской армии – «второй половине» блокадного кольца. В книге также показана реальная ситуация со снабжением блокадного Ленинграда продовольствием, топливом, электроэнергией и боеприпасами; рассказывается и о том, что раньше оставалось за рамками официальной истории: о массовых хищениях, спекуляции и каннибализме в осажденном городе. Книга написана на основе архивных материалов, служебной документации с грифом «секретно» (большинство которой после снятия грифа так и осталось на полках ведомственных библиотек) и малоизвестных мемуаров.

УДК 82-312.6
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907149-79-3

© Широкоград А. Б., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1. Крепость Ленинград	9
Глава 2. Морская крепость Ленинград	12
Глава 3. Железнодорожные установки в 1941–1942 гг	23
Глава 4. Артиллерия Ленинградского фронта	28
Глава 5. Ленинградские «катюши»	31
Глава 6. Карельский УР	36
Глава 7. Гитлер и Маннергейм идут на Ленинград	42
Глава 8. Первый месяц блокады	45
Глава 9. Время больших пушек	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Широкоград

Блокада. Полная картина битвы за Ленинград (1941–1944)

К 75-летию снятия блокады Ленинграда

Вместо предисловия Зачем написана эта книга?

Как случилось, что за 74 года было выпущено несколько сот книг и тысячи статей по осаде Ленинграда в 1941–1944 гг., но столько осталось белых пятен и недомолвок?

Да и вообще, как мог 872 дня продержаться осажденный Ленинград? Ведь подобной осады не было в истории человечества!

В первые месяцы Великой Отечественной войны германские войска разгромили части Красной армии в Прибалтике, Белоруссии и Украине, стремительно овладели Крымом и... встали, как вкопанные, в предместьях Ленинграда.

Что же произошло? Может быть, советские летчики, танкисты и пехота менее мужественно дрались под Минском, Киевом и Уманью? А ведь там за несколько дней были полностью уничтожены и пленены куда более крупные советские группировки, чем под Ленинградом.

В хрущевско-брежневские времена нас уверяли, что врага остановили «ленинградские большевики». Это меня еще в школе наводило на крамольные мысли, что, мол, в Киеве коммунисты были 2-го сорта, а в Минске, сданном на шестой день войны, вообще некондиция. А сейчас либералы утверждают, что немцев остановила «питерская интеллигенция». Она-де рафинирована особым способом. Мол, послушали немцы Шостаковича и Ольгу Берггольц и сразу остановились.

Мало того, в советские времена было приказано из «политкорректности» помалкивать о роли Финляндии. И опять же, я на уроках истории изумлялся, как кольцо может состоять из одной половинки, вызывая тем самым праведный гнев преподавателя истории, а по совместительству партогра школы.

Ну а в 1990 г. маршал Маннергейм вообще объявлен «спасителем Ленинграда». Он-де приказал своим войскам наступать до линии старой (1939 г.) границы, а далее – ни-ни.

Маннергейм-де любил Россию и мечтал вернуться в Петербург. Посему он запретил обстреливать город и бомбить его с воздуха.

И вот 16 июня 2016 г. мемориальную доску Карлу Густаву Маннергейму установили в Петербурге на Захарьевской улице. Барельеф с изображением генерал-лейтенанта был торжественно водружен на стену Военного инженерно-технического университета по инициативе Российского военно-исторического общества.

На открытии памятной доски присутствовали руководитель Администрации Президента России Сергей Иванов и министр культуры Владимир Мединский. Мероприятие прошло в чрезвычайно торжественной атмосфере, с оркестром и почетным караулом.

Версии советских и либеральных историков имеют сотни больших и малых нестыковок. Посему в ход пошли куда более «крутые версии». Так, ряд «историков» утверждает, что-де Сталин хотел сдать Ленинград Гитлеру и преднамеренно морил его население голодом. Тот же Марк Соломин писал: «К тому же, как известно, город Питер и его жителей усатый палач

вообще ненавидел, и гибель тысяч и тысяч людей от голода и холода в этом городе его не слишком трогала».

Ну а Алексей Кунгуров в опусе «О математике и исторической реальности» утверждает, что вообще «блокады Ленинграда немцами не было»: «Не правда ли странно вели себя немецкие войска: вместо того чтобы легко овладеть городом и наступать дальше (мы же понимаем, что ополченцы, которых нам показывают в кино, серьезного сопротивления регулярным войскам не способны оказать в принципе), захватчики почти три года стояли вокруг Ленинграда, якобы заблокировав все сухопутные подступы к нему. Почему работал Кировский завод?..

Сказки про то, что можно что-то выпускать, не имея сырья, материалов и тем более инструмента, можно рассказывать только безграмотным людям. Откуда брались электроэнергия и топливо?»

В чем-то Кунгурова можно понять. Данные для своих выкладок он брал из бессистемных и зачастую лживых материалов советских и либеральных историков.

Естественно, последовала реакция наших официальных историков. Так, Николай Стариков 3 февраля 2014 г. разразился статьей «Ложь о блокаде Ленинграда»: «Граждане России требуют прекратить глумление над святынями, требуют наказать клеветников... Гражданское общество должно жестко реагировать на это».

Правда, как наказывать их, Николай Викторович не уточняет. То ли запрещать статьи, то ли авторов отправлять за решетку?

Кстати, сам Стариков в этой статье приводит только один пример – нападение противником на суда на Ладоге – «на транспортное судно «Конструктор»». Его потопил «немецкий самолет». Замечу, что «Конструктор» числился тогда сторожевым судном, а строился как эсминец. А «немецкий самолет» был со свастикой, но с финской. Как видим, в шести строках автор сделал две принципиальные ошибки.

А почему бы, вместо того чтобы кого-то обличать, запрещать, сажать, не рассказать правду о блокаде Ленинграда? 74 года наши историки заняты политическими дрызгами и не заметили «слона».

Дело в том, что Ленинград к 22 июня 1941 г. был неприступной для немцев и финнов крепостью.

Со стороны Финского залива и с запада Ленинград был окружен более чем двадцатью мощнейшими фортами Кронштадтской крепости, строительство которых велось свыше двух столетий.

С севера большевики за 10 лет построили на Карельском перешейке сухопутный укрепленный район (КаУР). С юга и востока Ленинград прикрывают естественные препятствия – река Нева и Ладожское озеро.

К осени 1941 г. в Ленинграде и Кронштадте базировался весь Балтийский флот. Там же складировались все запасы флота, включая запасную артиллерию и весь боекомплект. С началом блокады корабли Балтийского флота расположились по длине более чем 60 км от Кронштадта до Торгового порта в Ленинграде и далее вверх по течению Невы до Усть-Ижоры. Фактически они играли роль плавучих батарей, а после ледостава – стационарных фортов.

На НИАПе (морской полигон на Ржевке) было сформировано шесть дальнобойных батарей. Некоторые пушки НИАПа могли обстреливать любую цель на всей (!) линии фронта.

Под Ленинградом действовало около 50 железнодорожных транспортеров, оснащенных морскими орудиями калибра 100–356 мм. Густая железнодорожная сеть сделала железнодорожные транспортеры весьма мобильными, а маскировка и ряд других мер – практически неуязвимыми. За 272 дня блокады не погиб ни один артиллерийский железнодорожный транспортер.

А вот у блокадника политрука 1-й Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения Даниила Германа, позже ставшего великим писателем Даниилом Граниным, совсем иное мнение:

«Мы встретили войну неподготовленными, – сказал в одном из интервью писатель Даниил Гранин, участник боёв. – Они двигались на Ленинград со скоростью 80 км в день – невиданная скорость наступления! И мы должны были проиграть эту войну. И это чудо». «Город был открыт настежь... Немцы должны были войти в город. Ничего, никаких застав не было. Почему они не вошли? Я с этой загадкой окончил войну и жил много лет»¹.

Ну а я утверждаю, что у защитников Ленинграда огневая мощь морской и береговой артиллерии была куда больше, чем в Севастополе и Сингапуре в 1941–1942 гг. вместе взятых. Напомню, что это были две самые большие крепости Второй мировой войны.

Ко всему прочему Ленинград был самовосстанавливающейся крепостью. Корабли Балтийского флота ремонтировались в доках многочисленных судостроительных заводов Ленинграда. К 22 января 1941 г. продукция ленинградских заводов составляла 12 % от всего объема промышленного производства СССР. Ну а доля ВПК была еще выше – до 30 %.

Кировский завод еще до войны и в ходе блокады выпускал лучшие в мире танки KB-1 и KB-2, казематные установки, которые устанавливались в бетонных укреплениях Ленинграда (76-мм Л-17 и 45-мм дот-4), дивизионные, зенитные и полковые пушки, минометы и т. д.

Завод «Большевик» выпускал все типы современных корабельных орудий, лайнеры и боеприпасы к ним, железнодорожные артиллерийские установки и т. д.

Естественно, что для населения численностью 1,5–3 миллиона, армии и флота до 600 тыс. человек нужно было продовольствие, а для заводов, кораблей и транспорта – горючее и электроэнергия. Как и в каких объемах снабжался город, Ленинградский фронт и Балтийский флот, читатель узнает в этой книге.

Ну а главное, пусть читатель сам решит, прав ли автор, утверждающий, что Ленинград был неприступной крепостью, или же он был городом с воротами, «открытыми настежь».

Глава 1. Крепость Ленинград

Да, да! Ленинград был крепостью. Мало того, он стал ее не осенью 1941 г., а задолго до 22 июня 1941 г. Разумеется, это была не раннефеодальная крепость, окруженная валом и тыном, а большой комплекс современных оборонительных сооружений.

Начну с того, что вначале (в мае 1703 г.) была основана Петропавловская крепость, а лишь потом вокруг нее началось строительство города Санкт-Петербург. Разумеется, к 1941 г. Петропавловская крепость была разоружена. Однако в случае прорыва немцев в центр города крепость могла стать мощнейшим узлом обороны. Кстати, в годы войны в Петропавловской крепости была размещена научно-исследовательская химическая лаборатория Ленинградского фронта.

С запада и юго-запада Санкт-Петербург прикрывала Кронштадтская крепость, строившаяся с 1704 г. У многих Кронштадтская крепость ассоциируется исключительно с островом Котлин, где к 1917 г. имелись уже десятки береговых батарей. Но, кроме того, от Котлина к южному и северному берегам Финского залива тянулись две цепочки фортов, построенных на искусственных (насыпных) островах.

В 1910–1914 гг. впереди Котлина на северном берегу Финского залива был построен форт «Ино» («Николаевский»), а на южном берегу – форт «Красная Горка» («Алексеевский»).

14 мая 1918 г. батареи форта «Ино» были подорваны его гарнизоном. После этого форт «Ино» захватили белофинны. Во время блокады Ленинграда с форта «Ино» вели огонь 180-мм железнодорожные установки ТМ-1-180, захваченные финнами в июле 1941 г.

Все же остальные форты Кронштадта к 1941 г. находились в составе Балтийского флота и почти все имели артиллерийское вооружение.

В 1930-х годах форты «Красная Горка» и «Серая Лошадь» на южном берегу Финского залива были защищены с берега системой дотов и блиндажей.

Форты Кронштадта

Форт «Риф» на западной оконечности острова Котлин и большинство островных фортов были усилены десятками дотов, оснащенных 45-мм пушками 41К и пулеметами. Эти доты предназначались для борьбы с катерами и противодесантной обороны.

На севере в 1918 г. финны захватили не только форт «Ино», но и систему мощных укреплений в районе Выборга, построенных в 1912–1916 гг. Соответственно, с севера Петроград не был защищен от нападения противника.

Для защиты Ленинграда по приказу Революционного Военного Совета СССР № 90 от 19 марта 1928 г. началось строительство Карельского укрепленного района (КаУР). Район созда-

вался как рубеж обороны Ленинграда с севера, строительство проходило в три этапа: 1928–1932 гг., 1936 год и 1938–1939, до начала Зимней войны.

КаУР состоял из Передового рубежа, построенного в 1936 и 1938–1939 гг., и основной полосы, на которой располагалось одиннадцать батальонных районов обороны (БРО). Каждый из них включал в себя от 15 до 30 пулеметных дотов, занимая по фронту 3–5 км, лесоболотистые промежутки простреливались из артиллерийских полукапониров.

Пулеметные доты были двух типов: «Б» (большие) и «М» (малые). Доты типа «Б» имели 3–6 амбразур, в зависимости от участка обороны. Обычно их сооружали двухэтажными, площадь помещения на обоих этажах составляла от 40 до 100 м². Гарнизон дота насчитывал до 25 человек.

Дот постройки 1932 г. на форту «Риф».
(Фото А. Широграда)

Доты типа «М» имели 2–3 амбразуры. Они были одноэтажными, и площадь внутренних помещений была от 12 до 15 м². Гарнизон в них состоял из 8–12 человек. Всего было построено около 100 пулеметных дотов.

Артиллерийские доты представляли собой полукапонир на 2 орудия. Площадь полукапониров была от 50 до 200 м². Гарнизон дотов достигал 15–25 человек. Артиллерийских сооружений в Карельском УР насчитывалось около 20 единиц. Все доты, независимо от размеров, имели перископы, фильтровентиляционные системы, были оборудованы проводной связью (телефон) и электрическим освещением.

В качестве дополнительных укреплений в БРО использовались пулеметные бронебашни, снятые с корпусов танков МС-1, а также железобетонные колпаки с пулемётной установкой. Здесь же имелись железобетонные убежища.

Финны осматривают дот с башней танка МС. Карельский УР
(Фотобанк Оборонительных сил Финляндии).

Как видим, Ленинград был полностью прикрыт с севера и северо-запада. На востоке естественным прикрытием служило Ладожское озеро. Ну а на озере находилась советская Ладожская военная флотилия, обладавшая подавляющим превосходством перед озерными силами финнов, немцев и итальянцев.

С юга город был открыт. Однако все южные районы Ленинграда перекрывались огнем кораблей Балтийского флота, находившихся в Ленинградском порту и на реке Неве; 100–180-мм береговыми стационарными и железнодорожными орудиями, а также 100–406-мм орудия Морского полигона на Охте.

Глава 2. Морская крепость Ленинград

Для руководства подготовкой флота к обороне Ленинграда приказом Наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова 5 июля 1941 г. был создан штаб морской обороны Ленинграда и Озерного района (командующий морской обороной Ленинграда (МОЛ) контр-адмирал Ф.И. Челпанов, военком МОЛ дивизионный комиссар В.А. Лебедев, позже бригадный комиссар А.А. Матушкин, начальник штаба капитан 1-го ранга В.Ф. Чернышев, флагманский артиллерист МОЛ инженер-капитан 1-го ранга С.К. Рябов).

31 июля 1941 г. приказом наркома ВМФ № 47 начальником артиллерии МОЛ был назначен контр-адмирал И.И. Грен. Его задачей являлось руководство подготовкой и организацией боевого использования морской артиллерии в обороне Ленинграда. Начальник артиллерии МОЛ оперативно подчинялся начальнику артиллерии Ленинградского фронта генерал-лейтенанту (позже маршалу артиллерии) Г.Ф. Одинцову. С переходом Военного совета и штаба флота из Таллина в Кронштадт управление начальника артиллерии МОЛ было реорганизовано в управление начальника артиллерии Краснознаменного Балтийского флота (приказ наркома ВМФ № 155 от 3 октября 1941 г.) с непосредственным подчинением Военному совету флота, а оперативным подчинением, как и раньше, – начальнику артиллерии фронта.

С переходом главных сил флота из Таллина в Кронштадт 30 августа 1941 г. все бывшие корабли, кроме лидера «Минск», который требовал аварийного ремонта, были включены в систему обороны города. Таким образом, к началу боевых действий для отражения прорывавшихся к Ленинграду германских войск в системе артиллерийской обороны были: линкоры «Марат» и «Октябрьская Революция», крейсера «Киров», «Максим Горький» и «Петропавловск», 1-й и 2-й дивизионы эсминцев в составе 10 вымпелов (лидер «Ленинград», эсминцы «Грозный», «Гордый», «Опытный», «Свиристый», «Сильный», «Славный», «Стойкий», «Строгий» и «Стройный»), отряд канонерских лодок в составе 8 единиц («Амгунь», «Красное Знамя», «Волга», «Зея», «Кама», «Москва», «Селенга» и «Сестрорецк») – всего 23 боевых корабля.

Для ленинградской и кронштадтской групп кораблей в результате рекогносцировки было избрано и оборудовано до 30 открытых и закрытых якорных огневых позиций и 10 – для эсминцев и канонерских лодок в средней части Невы. Система якорных огневых позиций кораблей и береговых батарей, утвержденная Военным советом Балтийского флота, действовала весь период обороны Ленинграда.

Каждая якорная огневая позиция обеспечивалась двусторонней артиллерийской радиосвязью с корабельными и общеслотскими наблюдательно-корректировочными постами (НКП) и дублирующей телефонной связью. На корабли и береговые батареи ежедневно поступали бюллетени артиллерийского метеорологического пункта для метеорологического обеспечения артиллерийских стрельб, которые систематически в течение всего периода обороны Ленинграда составляли сотрудники гидрометеорологической службы флота, возглавляемой подполковником Селезневым.

Со стороны Финского залива Ленинград прикрывала Кронштадтская крепость, сооружение которой началось еще при Петре Великом. Первоначально форты крепости строились на острове Котлин и искусственных островах южнее и севернее Котлина. К 1915 г. форты Кронштадтской крепости «Красная Горка» и «Ино» были выдвинуты на 20 км западнее острова Котлин и расположены на южном и северном берегах Финского залива. В 1918 г. большая часть сооружений и артиллерии форта «Ино» была взорвана.

В июле 1919 г. форт «Красная Горка» был переименован в «Краснофлотский». Замечу, что большевистское название не прижилось, равно как и царское – форт «Алексеевский», дан-

ное в честь наследника цесаревича Алексея. Кроме того, в служебных документах 20–40-х годов XX века форт «Красная Горка» именовался как форт «КФ» или просто «Ф».

Ко времени подхода немцев к Ленинграду на вооружении форта «Красная Горка» находились следующие батареи:

батарея № 311 – две двухорудийные башни с 305/52-мм пушками. Эти орудия были почти идентичны орудиям линкоров типа «Петропавловск». Стрельба из 305-мм береговых орудий велась как морскими снарядами, так и снарядами Военного ведомства, причем последних было крайне мало;

батарея № 312 – четыре открытые 305/52-мм установки;

батарея № 313 – три 120/50-мм пушки, установленные в южной части сухопутной обороны фронта;

батарея № 322, введена в июле 1941 г., – три 152/45-мм пушки Кане;

батарея № 211 – четыре 130-мм пушки Б-13 из 21-го ОАД Лужского укрепленного сектора. При отступлении 21-й ОАД был расформирован, и орудия Б-13, ранее установленные на мысе Колгания, передали форту «Ф». Их установили в восточной части форта на переделанных основаниях 11-дюймовой мортирной батареи. (Сами мортиры были давным-давно сняты.)

130-мм установка Б-13. Форт «Красная Горка»

Впервые «Красная Горка» открыла огонь по противнику 31 августа 1941 г.

Для противокатерной, противодесантной и противовоздушной обороны на фортах были построены две батареи в бетонных барбетах – № 115 и № 116, вооруженные 45-мм установками 21К.

Кроме того, в форту находились четыре 254/10-мм пушки. Они были законсервированы и в таком виде оставались до конца войны.

Береговые батареи² «Красной Горки» организационно входили в 31-й ОАД, а ОАД вместе с 33-м, 196-м и 197-м ОАД входили в состав Ижорского укрепленного сектора.

В 33-й ОАД входили форт «Серая Лошадь» и 203-мм батарея № 333.

Форт «Серая Лошадь» в советское время трижды переименовывался: в июле 1919 г. – в форт «Передовой», затем – в «Бухарин» и, наконец, в «Красногвардейский». Кроме того, в служебных документах он именовался форт «Л».

В форту «Серая Лошадь» находились две береговые батареи – № 331 с тремя 152/45-мм пушками Кане и № 332 с четырьмя 120/50-мм пушками. Забегая вперед, скажу, что в 1943 г. на 332-й батарее 120-мм орудия заменили на 130/50-мм Б-13.

Башенная батарея № 333 (бывшая № 9) была построена в 1928–1932 гг. Находилась она вблизи форта «Серая Лошадь», в служебных документах указывалось: «вблизи деревни Пулково». Две двухорудийные башни с 203/50-мм пушками были в 1922–1923 гг. сняты с линкора «Император Павел I» («Республика»).

В состав 196-го ОАД входили: 152-мм батарея № 318 у деревни Сойкино, 130-мм батарея № 319 у деревни Неники и полевая 152-мм батарея № 342 у деревни Большая Ижора.

В состав 197-го ОАД входили: 152-мм батарея № 330 у деревни Калище и 100-мм батарея № 341 в устье реки Коваши.

Кроме того, в Ижорском укрепленном секторе состояли морские бронепоезда № 7 «Балтиец» и № 8 «За Родину». Оба бронепоезда базировались на железнодорожной станции Лебяжье.

Во время блокады Ленинграда район Ижорского сектора называли «Ораниенбаумским пятачком», поскольку он был связан с Ленинградом и Кронштадтом лишь водным путем.

Западнее пятачка находилась лишь «Островная укрепленная позиция» – остров Лавенсаари с двумя 130-мм батареями (№ 460 и № 461) и остров Сескар с 130-мм батареей № 212 и 120-мм батареей № 230. Эти батареи в контрбатарейной стрельбе под Ленинградом не участвовали и использовались лишь для прикрытия действий кораблей и катеров в восточной части Финского залива.

После «Красной Горки» самыми крупными фортами Кронштадтской крепости были «Риф», «Обручев» и «Тотлебен».

Форт «Риф» был построен в 1909–1915 гг. на западной оконечности острова Котлин. Он был вооружен четырьмя 254/45-мм и восемью 152/45-мм пушками. В официальных документах его до 1917 г. именовали Александровской батареей, но это название не прижилось. В марте 1921 г. форт получил новое название – «Комсомольский», но и оно не прижилось, и форт по-прежнему называли «Рифом». Кроме того, в служебных документах встречалось название: форт «Р».

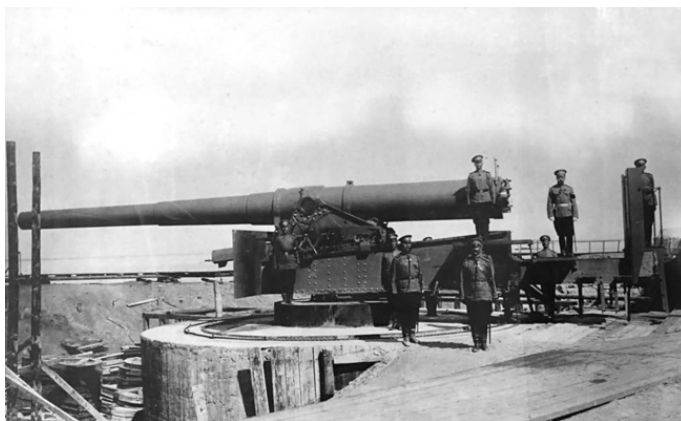
Дот на форту «Риф» (Фото А. Широграда)

К июню 1941 г. орудия «Рифа» входили в состав 13-го ОАД. К 15 мая 1942 г. там размещались батареи:

№ 130 – две 130-мм пушки Б-13, батарея сформирована после начала войны;

№ 131 – четыре 152/45-мм пушки Кане;

№ 132 – четыре 254/45-мм пушки.

254-мм пушка на форту «Риф»

В 1934 г. на форту «Риф» была сформирована батарея № 414. В ее состав вошли 4 зенитные 76-мм пушки обр. 1931 г. Пушки были на колесных лафетах и могли перемещаться по форту. Обычно они стояли на кровле бетонной казармы. Две – прямо на бетоне, а две – на земляном валу той же казармы.

Любопытна судьба этих 10-дм пушек. В феврале 1936 г. командование Морских Сил приказало разрушить две 254-мм батареи (№ 20 и № 24) Севастопольской крепости, а 8 орудий вместе с боекомплектom отправили в Кронштадт. Эти орудия должны были заменить расстрелянные тела орудий на батареях № 132 и № 123.

К июню 1941 г. орудия были законсервированы, после начала войны приступили к их расконсервации. Одну 254-мм пушку в октябре 1941 г. отправили на батарею № 665 близ Немецкого кладбища в Кронштадте;

№ 133 – четыре 152/45-мм пушки Кане.

Для противокатерной, противодесантной и противовоздушной обороны на фортах в 1938–1939 гг. были построены три батареи в бетонных барбетах – № 134, 135 и 136, вооруженные 45-мм установками 21К.

Место установки 45-мм пушки на форту «Риф».
(Фото А. Широкограда)

Пулеметный дот на форту «Риф».
(Фото А. Широкограда)

Форты «Обручев» и «Тотлебен» были первой линией обороны, прикрывавшей Северный фарватер. Этот фарватер проходил севернее острова Котлин, был мелководен, и в мирное время им пользовались только малые суда. Оба форта были построены в 1897–1910 гг. на насыпных (искусственных) островах. Строительство форта «Обручев» обошлось империи в 7 млн золотых рублей, а «Тотлебена» – в 6,5 млн.

К 1914 г. на форту «Обручев» было установлено шесть 11-дюймовых пушек обр. 1877 г., восемь 10-дюймовых (254-мм) пушек и десять 152/45-мм пушек Кане.

В начале 1920-х годов 11-дюймовые пушки обр. 1877 г. годились исключительно для музеев, поэтому их сдали на лом. Правофланговую батарею из четырех 254-мм пушек консервировали, а пушки левофланговой батареи сдали на лом. В 1923–1925 гг. на месте левофланговой 10-дюймовой батареи установили две кормовые 203-мм башни с крейсера «Рюрик».

Сам форт «Обручев» в 1921 г. переименовали в «Красноармейский», но это название, как и остальные, не прижилось.

К июню 1941 г. орудия «Обручева» составляли 12-й ОАД.

На форту находились батареи:

№ 121 – три 152/45-мм пушки Кане;

№ 122 – четыре 203/50-мм пушки в двух башнях;

№ 123 – четыре 254/45-мм пушки. В сентябре 1941 г. началась расконсервация пушек. Первоначально были расконсервированы три 254-мм пушки, которые произвели первую стрельбу по противнику 31 января 1942 г. Четвертая пушка была отремонтирована лишь в 1943 г., и 24 июня 1943 г. ее испытали стрельбой по городу Териоки.

Для противокатерной, противодесантной и противовоздушной обороны на фортах были построены две батареи в бетонных барбетах – № 124 и № 125, вооруженные 45-мм установками 21К.

Вооружение и устройство форта «Тотлебен» в основном было аналогично форту «Обручев». В 1921 г. форт «Тотлебен» переименовали в «Первомайский».

В 1923–1925 гг. на месте 10-дюймовой батареи были установлены две 203-мм носовые башни с крейсера «Рюрик».

Береговые батареи форта «Тотлебен» были сведены в 11-й ОАД. К июню 1941 г. на форту находились батареи:

№ 111 – три 120/50-мм пушки системы Виккерса;

№ 112 – три 152/45-мм пушки Кане;

№ 113 – четыре 203/50-мм пушки в двух башнях;

№ 114 – три 152/45-мм пушки Кане.

45-мм установки на форту «Тотлебен».

Второй линией обороны Кронштадтской крепости, прикрывавшей Северный фарватер, были северные «номерные» форты. Они были построены в 1863–1868 гг. на насыпных (искусственных) островах. В 1923–1925 гг. все северные номерные форты разоружили. К июню 1941 г. форты № 1, 3, 5 и 7 были вооружены зенитными орудиями и входили в систему ПВО Кронштадтского укрепленного сектора.

В ходе войны вооружение северных номерных фортов было усилено, а их батареи входили в состав 15-го ОАД.

Форт № 1 – батарея № 160 (четыре 76-мм).

Форт № 2 – батарея № 154 (четыре 100-мм установки Б-24); батарея № 159 (четыре 45-мм пушки 21К).

Форт № 3 – батарея № 411 (четыре 45-мм пушки 21К).

Форт № 4 – батарея № 151 (четыре 45-мм пушки 21К); батарея № 153 (четыре 100-мм установки Б-24); батарея № 158 (четыре 45-мм пушки 21К).

Форт № 6 – батарея № 152 (три 120/50-мм пушки); батарея № 157 (четыре 45-мм пушки 21К); батарея № 280 (три 120/50-мм пушки).

Форт № 7 – батарея № 156 (четыре 45-мм пушки 21К); батарея № 279 (три 102/60-мм пушки)³.

Дот на Северном форту № 1
(Фото А. Широкограда)

Линия северных номерных фортов упиралась в северные берега залива у мыса Лисий Нос. Там был сформирован 18-й ОАД. В его составе находились: 45-мм батарея № 181, ее во второй половине мая 1942 г. передали Ижорскому укрепленному району; 130-мм батарея № 343 на мысе Лисий Нос, а также 45-мм батарея № 182 на мысе Дубовый.

Летом-осенью 1941 г. началось строительство береговых батарей в городе Кронштадте. Как уже говорилось, до 22 июня 1941 г. береговые орудия находились только на форту «Риф», на крайней западной оконечности острова.

Уже к 15 мая 1942 г. в самом городе Кронштадте были построены батареи, сведенные в 160-й и 170-й ОАД.

В составе 160-го ОАД состояли:

батарея № 611, вооруженная двумя 152/45-мм пушками Кане, располагалась в Каботажной гавани;

батарея № 612, вооруженная двумя 152/45-мм пушками Кане, – на Якорной площади. Во второй половине мая 1942 г. эта батарея была переведена в Ижорский оборонительный сектор и установлена в районе деревни Липово;

батарея № 668 – две 100-мм пушки в форту «Меншиков».

В составе 170-го ОАД находились:

батарея № 775 – три 130-мм установки у Морского завода;

батарея № 776 – две 100-мм пушки у Морского госпиталя;

батарея № 777 – две 100-мм пушки у Ленинградской пристани;

батарея № 778 – две 100-мм пушки в районе «Военный угол». Во второй половине мая 1942 г. батарея № 778 была передана Осиновецкой ВМБ и установлена в деревне Гиннибаловка.

Кроме того, на острове Котлин дислоцировался 190-й ОАД, который назывался «Загородным оборонительным участком». В июле 1942 г. Загородный оборонительный участок был расформирован, а 190-й ОАД включен в состав Кронштадтского укрепленного сектора береговой обороны.

К 15 мая 1942 г. в состав 190-го ОАД входили:

батарея № 665. Первоначально – одна 254/45-мм пушка, а к концу 1942 г. – две 254/45-мм пушки. Находилась на Немецком кладбище. К 1 января 1943 г. батарею передали в состав 160-го ОАД;

батарея № 666 – две 100-мм пушки. К 1 января 1943 г. батарею передали в состав 160-го ОАД;

батарея № 667 – две 100-мм пушки, находилась на форту «Павел». К 1 января 1943 г. батарею передали в состав 14-го ОАД;

батарея № 668 – две 100-мм пушки на форту «Меншиков».

Южный фарватер у острова Котлин прикрывали южные номерные форты, построенные на насыпных (искусственных) островах. Артиллерия этих фортов входила в состав 14-го ОАД.

Форт № 1 начат постройкой в 1855 г., закончен в 1869 г. В 1941–1944 гг. через форт проходила «Малая дорога жизни» на Ораниенбаумский плацдарм. Форт входил в левый фланг 2-й линии обороны города. С 1908 г. – склад. В 1942 г. на нем располагалась батарея № 143 (3–100-мм орудия).

Форт № 2 построен в 1855–1856 гг. Перестроен в 1869–1873 гг. Получил название «Дзичканец» в память о его строителе генерал-майоре И.Г. Дзичканце. После 1908 г. использовался как склад.

В 1942–1944 гг. на форту располагалась батарея № 144 (две 76-мм пушки). В августе 1944 г. обе пушки сданы на склад.

Форт № 3 окончательно закончен в 1878 г. На форту построено 6 броневых башен системы Кольза, вооруженных 11-дм пушками обр. 1877 г. В 1914 г. башни и пушки демонтировали, а на их место поставили 152/45-мм пушки Кане. В 1880 г. форт № 3 получил название «Граф Милютин».

В 1942 г. на форту находились батареи № 145 (3–120/50-мм пушек) и № 146 (3–45-мм пушек 21К). К августу 1944 г. батарея № 145 была законсервирована.

Форт № 4 «Константин» (с 1921 г. «Рошаль»). К 1934 г. на форту «К» состояли: на батарее № 142 четыре 152/45-мм пушки Кане МА (№ 597, 702, 329 и 271). Все они имели износ порядка 70 %, поэтому стрельб в 1936 г. и позже не производили, чтобы сохранить небольшой ресурс стволов. Вплоть до начала боевых действий в 1941 г. велись только «стволиковые стрельбы», то есть в канал орудия вставлялся специальный 37-мм ствол, из которого велась учебная стрельба. С 1934 г. на батарею стали поступать снаряды обр. 1928 г., а также обр. 1915 г., но новой выделки.

На батарее № 141 состояли две 75/50-мм пушки Кане и две 57/40-мм пушки Гочкиса на палубных станках.

В 1936 г. на форт поступили 4 зенитные 76-мм пушки 34К. Две из них установили на кровле старой кирпичной казармы постройки 1871 г., две другие – в свободных дворах батареи «Брылкин».

К январю 1941 г. вместо устаревших 75-мм и 57-мм орудий на батарее № 141 установили четыре 45-мм пушки 21К. Для них построили бетонную батарею в бруствере бывшей двухорудийной 10-дм батареи.

В первой половине июля 1941 г. все четыре 152/45-мм пушки с батареи № 142 послали на фронт. Орудия демонтировали всего за два дня, погрузили на баржу и отправили в Ораниенбаум.

В конце сентября «на форт из арсенала Кронштадта доставили четыре 120/50-мм орудия. Для монтажа этих казематных орудий с низким станком в штатных глубоких дворах для 6-дм орудий Канэ пришлось устанавливать переходные барабаны, заказанные на Кронштадтском Пароходном заводе. Для более удобного обслуживания установок вокруг барабанов настелили деревянные решетчатые банкеты. Эти орудия допускали ведение огня на дальность до 20 км, что позволяло более успешно решать поставленные задачи контрбатарейной стрельбы. Монтаж установок завершили 27 сентября»⁴. Эти 120/50-мм пушки вошли в состав батареи № 142.

Осенью 1944 г. батарея № 142 была законсервирована.

Форт «Павел» – батарея № 667 (две 100-мм пушки, переданные к 1 января 1943 г. из состава 190-ОАД).

В августе-сентябре 1941 г. был создан Невский укрепленный район. В районе Невской Дубровки и устья Невы были установлены шесть батарей, на которых установили восемнадцать 120/50-мм орудий, снятых с линкоров. Позже установили два 180-мм орудия МО-1-180.

К 15 мая 1942 г. эти батареи входили в состав 301-го ОАД:

батарея № 470 – две 180-мм установки МО-1-180 в населенном пункте Малые Пороги;

батарея № 597 – две 120-мм пушки в деревне Уткина заводь;

батарея № 598 – две 120-мм пушки в Колонии Овцына;

батарея № 559 – две 120-мм пушки в деревне Северная Самарка;

батарея № 600 – две 120-мм пушки в Новом Поселке.

батарея № 601 – две 120-мм пушки в Новом Поселке.

Для обороны Осиновецкой ВМБ был сформирован 302-й ОАД. В его состав к 15 мая 1942 г. входили:

батарея № 101 – три 102/60-мм пушки (мыс Сосновец);

батарея № 379–100 мм пушки (деревня Ганнибаловка);

батарея № 380 – две 130-мм пушки (деревня Кокорево);
батарея № 602 – три 120-мм пушки (деревня Каменка).

Во второй половине 1942 г. вошли в состав батареи:

№ 778–100-мм пушки (район Кошкино – Ганнибаловка);

№ 440–100 пушки (район Остермановской гавани).

7 июля 1943 г. вступила в строй батарея № 460 – две 88-мм трофейные немецкие пушки.

8 июля 1941 г. по приказу командующего Морской обороной Ленинграда и озерного района (МОЛиОР) началось формирование отдельного артиллерийского дивизиона специального назначения, состоящего из двух батарей. Батарея «А» – «Аврора» (девять 130-мм орудий, снятых с крейсера «Аврора») и батарея «Б» – «Большевик» (десять 130-мм орудий Б-13).

Для защиты объектов военно-морской базы Кронштадт от зимнего десанта и атак катеров летом в начале 1930-х годов началось строительство долговременных сооружений противодесантной обороны Кронштадтского укрепленного района. Основой противодесантной обороны стали артиллерийские батареи малых и средних калибров и пулеметные огневые точки.

Кроме своего основного назначения – защиты Кронштадтской крепости от зимнего десанта и атак катеров, противодесантная оборона Кронштадтского УРа осуществляла взаимодействие с соседними армейскими укрепленными районами. Правый фланг осуществлял огневую связь с огневыми точками Сестрорецкого батальонного района обороны Карельского УРа, предотвращая обход этого укрепленного района по льду залива. Левый фланг взаимодействовал с Ижорским сектором обороны, куда входила противодесантная оборона форта «Красная Горка».

Первые пулеметные огневые точки Береговой обороны Балтийского моря (впоследствии Кронштадтский УР) были выстроены к 1931 г. Места посадки огневых точек (ОТ) были выбраны таким образом, что при выбранной дальности обстрела в 2000 м создавалась линия огня от острова Котлин до северного берега залива у станции Горская. Форт «Первомайский» (бывший форт «Тотлебен») как наиболее хорошо вооруженный и довольно близко расположенный к финскому берегу объект имел круговую оборону, форт «Обручев» – только с северо-запада.

Все доты Кронштадта имели на вооружении по 3 пулемета «Максим» (с непрерывным водяным охлаждением) на станках ПС-31. Доты должны были выдерживать прямое попадание 122–152-мм снаряда. Казематы дотов внутри были оборудованы средствами противооткольной защиты.

Амбразуры дотов оснащались подъемными броневыми заслонками. Электроаппаратура дотов работала от общей сети форта.

После июня 1941 г. на побережье острова Котлин было дополнительно установлено 9 артиллерийских и 10 зенитных батарей из орудий, снятых с фортов, погибших и поврежденных кораблей, а также 250 пулеметных точек.

Любопытно, что в 1941 г. Морской собор Святителя Николая Чудотворца, построенный в 1913 г., обратили в... дот! Окна и двери были заложены, в них оборудованы бойницы для пулеметов. Пулеметы, установленные в соборе, должны были обстреливать Якорную площадь – единственную в Кронштадте удобную площадку для высадки воздушного десанта, как парашютного, так и планеров. Что поделаешь? «Критский синдром».

Большую роль в обороне Ленинграда сыграл Научно-испытательный морской артиллерийский полигон (НИМАП), расположенный на восточной окраине Ленинграда у железнодорожной станции Ржевка. Испытания морских орудий малого и среднего калибра, до 130-мм включительно, производились на НИМАПе с «родных» станков, а пушек калибра 152–406 мм – со специальных полигонных станков. С началом войны полигонные станки были приспособлены для кругового обстрела.

Так, 406-мм установка МП-10, предназначенная для отстрела 406-мм пушек Б-37 (для линкоров типа «Советский Союз»), была приспособлена для кругового обстрела. На ней установили броневой щит и улучшили систему заряжания, что позволило довести скорострельность до 1 выстрела в 4 минуты. (Для полигонного станка это много! Так, скорострельность 356/52-мм пушек на полигонном станке Дурляхера составляла 1 выстрел за 6–7 минут.) Скрепленный ствол был заменен на лейнированный.

Полигонная установка Дурляхера, с которой производились стрельбы 356–368-мм сверхдальнобойными снарядами.

(Фото А. Широкограда)

Из числа орудий, находившихся на полигоне, было сформировано шесть батарей и одна зенитная группа.

В состав 1-й батареи НИМАПа входили:

одна 406-мм пушка Б-37 на установке МП-10;

одна 356/56-мм пушка на полигонном станке;

одна 305/52-мм пушка на полигонном станке;

одна 305/40-мм пушка на полигонном станке.

Во 2-й батарее состояли:

180-мм качающаяся часть с крейсера типа 26бис, состоявшая из трех стволов на полигонном станке (скорострельность – 1 залп за 3 минуты);

две 180-мм пушки Б-1-П на полигонных станках;

одна 152/57-мм пушка Б-38 на полигонном станке.

В 3-й батарее состояло четыре 130-мм пушки Б-13.

В 4-й батарее – три 100-мм пушки Б-24БМ.

В 5-й батарее – две 100-мм пушки Б-24.

В 6-й батарее – две 120/50-мм пушки.

В этих батареях орудия находились на «родных» станках.

Боясь, что я утомил читателя перечислением береговых батарей и мест их установки. Но, увы, без этого нельзя понять грандиозную артиллерийскую битву за Ленинград, длившуюся 900 дней на территории свыше 150 км с запада на восток и свыше 100 км с севера на юг. Корабли и береговые батареи были расставлены таким образом, что по всему периметру обороны позиции немцев и финнов простреливались как минимум на 20 километров нашими пушками.

Решающей силой в этой невиданной в истории артиллерийской дуэли стала морская артиллерия Краснознаменного Балтийского флота.

Таблица 1. Боевой состав морской артиллерии в начальный период обороны Ленинграда (сентябрь-октябрь 1941 г.)⁵

Калибр, мм	Корабельная артиллерия	Береговая артиллерия						Итого
		Число орудий						
		101-я МБЖДА	КУС	НУС	НИМАП	Пулково— Дудергоф	НУС	
406	—	—	—	—	1	—	—	1
356	—	3	—	—	1	—	—	4
305	24	—	—	8	2	—	—	34

203–254	6	—	15	4	—	—	—	25
180	18	10	—	—	5	—	4	37
152	—	6	12	8	2	—	—	28
130	53	40	—	8	4	19	8	132
120	32	—	12	4	—	—	8	56
100–102	20	—	9	8	—	—	6	43
Всего	153	59	48	40	15	19	26	360

Примечание:

МБЖДА – морская бригада железнодорожной артиллерии; КУС – Кронштадтский укрепленный сектор; ИУС – Ижорский укрепленный сектор; НИМАП – Научно-исследовательский морской артиллерийский полигон; НУС – Невский укрепленный сектор.

Из таблицы видно, что к началу обороны Ленинграда 28 % морской артиллерии составляли крупные (180–254-мм) и сверхмощные (305–406-мм) орудия. Значительную долю составляли 130-мм морские орудия (36,7 %) с максимальной дальностью стрельбы 138 кабельтовых (около 25 км). Применение крупных калибров морской артиллерии значительно усиливало артиллерийскую оборону Ленинграда, восполняя нехватку крупных калибров во фронтовой сухопутной артиллерии.

Глава 3. Железнодорожные установки в 1941–1942 гг

К началу Великой Отечественной войны на огневой позиции на полуострове Пактри в Эстонии находились 11-я и 12-я железнодорожные батареи, в составе которых, соответственно, были три 356-мм установки ТМ-1-14 и четыре 180-мм установки ТМ-1-180.

18-я железнодорожная батарея (четыре ТМ-1-180) находилась на огневой позиции в районе Либавы.

9-я и 17-я железнодорожные батареи (соответственно, три установки ТМ-1-12 и четыре установки ТМ-1-180) находились на территории военно-морской базы на полуострове Ханко.

В полдень 22 июня командующий Балтийским флотом В.Ф. Трибуц приказал командиру Либавской ВМБ отправить в тыл 18-ю железнодорожную батарею капитана В.П. Лисецкого.

Однако приказ сворачиваться и уходить батарея № 18 получила лишь в 7 часов утра 23 июня. В 13 ч 00 мин транспортеры двинулись в направлении Виндавы. Но на станции Дубре была получена телефонограмма начальника Либавской ВМБ с приказом вернуться. Эшелоны, несмотря на суматоху, царившую в первые дни войны, сумели переформироваться «головой» на Либаву. Однако вскоре стало ясно, что телефонограмма была направлена агентурой противника, чтобы не дать артустановкам уйти.

Моторизованные части немцев уже захватили железнодорожное полотно позади батареи. В этой ситуации капитан Лисецкий отдал приказ выводить батарею задним ходом. Переставлять вновь паровозы в голову составов времени не было. Батарея двинулась на Ригу. По пути личному составу батареи приходилось ремонтировать железнодорожные пути, разобранные бандами националистов.

24 июня 18-я железнодорожная батарея была на станции Заметаны. На перегоне Лионте – Искрити батарею атаковали германские бомбардировщики. Согласно докладу командира батареи, был сбит один «Юнкерс», но и личный состав батареи понес потери.

Поскольку путь на Таллин был нарушен, Лисецкий решил идти на Псков, а затем – на базу железнодорожной артиллерии в Мукково.

2 июля железнодорожные батареи № 11 и № 12 получили приказ командующего Балтийским флотом об уходе из Эстонии. Первый эшелон 12-й батареи ушел в 2 ч 14 мин ночи 4 июля. На станции Палдиски в состав 12-й батареи были включены два вагона-погреба и паровоз «Эм» от 17-й железнодорожной батареи. Перед началом войны они ремонтировались на «материке» и соединиться со своей батареей, находившейся на полуострове Ханко, уже не успели. 5 июля 12-я батарея прибыла в Ижорский укрепрайон в Лебяжье.

11-я батарея 2 июля прибыла в Палдиски на Кургальский полуостров на западе Ленинградской области примерно в 70 км от Красной Горки.

Батареи № 9 и № 17 были блокированы финнами на полуострове Ханко. 22 июня 1941 г. германские самолеты, базировавшиеся в Финляндии, бомбардировали ВМБ Ханко. В ответ 25 июня артиллерия Ханко открыла огонь по финским батареям. Финские батареи, в свою очередь, обстреляли Ханко, включая городской район.

Постепенно финны усиливали обстрел города Ханко. В ответ с 27 июля 305-мм железнодорожная батарея № 9 и 180-мм батарея № 17 периодически открывали огонь по финскому городу Таммисаари. Артогонь корректировался самолетами И-153. В Таммисаари была разрушена железнодорожная станция, уничтожено несколько поездов, сильные разрушения были и в городе. Финское командование произвело эвакуацию жителей города.

Стреляли наши железнодорожные батареи и по морским целям. Так, 180-мм железнодорожная батарея № 17 с дистанции 34,5 км со второго залпа накрыла две баржи и буксир. Одна баржа взорвалась, другая затонула, поврежденному буксиру удалось уйти в шхеры.

28 июля та же батарея обстреляла финскую канонерскую лодку «Карьяла».

В ходе эвакуации полуострова Ханко в ночь со 2 на 3 июля 1941 г. по приказу командования железнодорожные батареи № 9 и № 17 были взорваны. Так, по крайней мере, доложили командованию. Что же произошло там на самом деле, мы узнаем позже.

Железнодорожная батарея № 19 (четыре ТМ-1-180) была построена на заводе им. Марти в Николаеве для Балтийского флота. В апреле-мае 1941 г. в Николаев с Балтики прибыли старший лейтенант Шулепов, лейтенант Михайлов и 50 краснофлотцев для принятия батареи. Заводские (они же приемные) испытания батареи в связи с возможностью начала войны были проведены по сокращенной программе.

Утром 23 июня батарея получила приказ готовиться к походу, и уже вечером эшелон пошел на север. «Первым эшелоном командовал старший лейтенант Шулепов, вторым – лейтенант Михайлов. Непредвиденная остановка на подходах к Орше. Немцы бомбили станцию. Далее – на Витебск. Прямые пути на Ленинград забиты. Приняли решение – пробиваться через Смоленск. Там в невероятной неразберихе эшелоны с транспортерами загнали на разгрузочную площадку. Только энергичное объяснение старшего лейтенанта Шулепова с комендантом станции позволило вывести эшелоны на свободный путь.

4 июля первый боевой поход. 19-ф ОЖДАБ был успешно завершён. Батарея прибыла в Лебяжье.

Доукомплектование батареи личным, в том числе и командирским, составом, вооружением и имуществом, формирование ее служб, проведение производственных приемо-сдаточных испытаний артиллерийских установок батареи осуществлялось одновременно, 90 процентов личного состава никогда не служило в железнодорожной артиллерии. Поэтому на первых порах ставилась задача обучить людей владению механизмами «в мере, достаточной для производства стрельбы сдаточных испытаний. Однако командирам в короткий срок удалось подготовить оружейные расчеты, сделать войсковую часть боееспособной»⁶.

15 июля 1941 г. 19-я железнодорожная батарея была включена в состав Ижорского сектора береговой обороны Кронштадтской ВМБ Балтийского флота.

9 июля 12-я железнодорожная батарея получила приказ передислоцироваться в район Новгорода. На следующий день батарея была уже на месте и сразу же подверглась интенсивной бомбежке немецкой авиации. Налеты производились каждые 25–35 минут.

Командир 12-й батареи направил телеграмму в штаб Балтийского флота: «НАХОЖУСЬ В РАЙОНЕ НОВГОРОДА СТ БОРОК РАЗВЕРТЫВАТЬСЯ ИЗ ЗА ОТСУТСТВИЯ ПУТЕЙ НЕ МОГУ ТУПИКИ СТРОИТЬ НЕЧЕМ ЗАДАЧУ НИКТО НЕ СТАВИТ СВЯЗИ С АРМЕЙСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ НЕТ ПОДВЕРГАЮСЬ БОМБЕЖКЕ НЕСКОЛЬКО РАЗ В СУТКИ ПРИКРЫТИЯ С ВОЗДУХА НЕТ ПРОШУ ВАШЕГО УКАЗАНИЯ».

Но при неразберихе непрерывного отступления ответа на эту телеграмму так и не поступило, и 12 июля командование батареи приняло решение отправить транспортеры на Ленинград: 1-й эшелон – по ветке через Рогавку, а 2-й и 3-й эшелоны – через Чудово на Лебяжье. 1-й эшелон, которым командовал А.К. Дробязко, на перегоне Таткино – Рогавка подвергся налету двух «Юнкерсов». Один из них был сбит пулеметным расчетом ПВО батареи сержанта Ермолаева, вскоре после этого погибшего. Погибли также командир взвода ПВО лейтенант Худушкин и три краснофлотца, тринадцать человек получили ранения.

Бывший командир 12-й ОЖДАБ Г.И. Барбакадзе вспоминал после войны: «Взрывами бомб артиллерийские установки весом в 170 тонн, силовая станция, центральный пост и погреба с боеприпасами были завалены в воронки, а часть из них отброшена на несколько метров от железнодорожного полотна. Фронтальная железная дорога была выведена из строя.

Приказ, вскоре полученный из Москвы, гласил: движение по железной дороге должно быть восстановлено в течение шести часов. Но как убрать тяжелые подвижные оружейные транспортеры, вагоны с полотна за такое короткое время? Особую опасность представляли вагоны со снарядами, отброшенные на восемь – десять метров и упавшие вверх колесами.

Осколочно-фугасные снаряды весом в 97,5 килограмма в то время еще снабжались особыми взрывателями, которые не имели походного крепления. По существующим инструкциям подобные снаряды, упавшие с высоты четырех метров, подлежали уничтожению путем подрыва. Узнав об этом, один из прибывших на место происшествия начальников приказал взорвать всю материальную часть и боеприпасы, расчистить путь и восстановить движение.

Нам стало не по себе. Не укладывалась в сознание мысль, что можно начисто взорвать 180-миллиметровые орудия с дальностью полета снаряда 38 километров, да еще и с боеприпасами! И мы все, оправившись от неожиданности, принялись убеждать начальника не делать этого, что нам и удалось. Быстро силами краснофлотцев батареи приступили к постройке обходного железнодорожного пути для восстановления движения в срок, чтобы спасти свои дальнобойные орудия. Снаряды решили обезвредить вручную, вывертывая взрыватели. Эту работу должны были выполнить, рискуя жизнью, смельчаки-добровольцы.

Алексей Васильевич Чернопятав, тульский оружейный мастер, знавший почти все виды оружия и боеприпасов, заявил мне:

– Лучше погибнуть при взрыве снарядов, спасая их, чем уничтожить своими руками. Я берусь за работу с взрывателями и обезвреживание снарядов.

Я верил, что Чернопятав сделает все возможное, чтобы сохранить боеприпасы для дальнейших боев, и разрешил произвести эту серьезную и крайне опасную работу. Была создана команда смельчаков из восьми человек во главе с Чернопятавым. Помощником он взял своего воспитанника – старшину Федора Горбачева, также отлично знавшего многие виды боеприпасов, и командира отделения комендоров Самородова. Для выгрузки обезвреженных снарядов из вагонов-погребов были выделены комендоры Карпов, Смирнов, Бродов, Васильев и Поляков...

Вскоре раздалось:

– Есть первый!

Комендоры подхватили и унесли первый бездвигательный снаряд.

И пошло, и пошло.

– Есть второй!

– Есть третий!

И наконец:

– Есть четыреста восемнадцатый! – с ликованием закричали комендоры. Это был последний. Четыреста восемнадцать взрывателей были удалены из снарядов.

Четыреста восемнадцать раз в течение нескольких часов трое смельчаков были в руках у смерти. Но смелость, хладнокровие и отличное знание техники помогло им пойти на благородный риск и победить.

И тут же началась битва за сохранение материальной части орудий и других технических средств. Эту работу возглавили командиры артиллерийских установок старшие лейтенанты Алексей Кириллович Дробязко и Петр Софронович Зайцев. Им было уже легче, так как за это время движение по железнодорожному полотну восстановили. Правда, работа по спасению техники осложнялась тем, что прибывший восстановительный поезд имел грузоподъемность 75 тонн, а каждая из установок весила не менее 170 тонн. Но трое суток настойчивых трудов, матросская смекалка, любовь к своей технике и ее глубокое знание, а главное, твердая вера в победу сделали невозможное возможным. Драгоценная техника и боеприпасы были спасены для дальнейших боев с озверевым врагом, рвавшимся к Ленинграду»⁷.

Участник боев полковник В.В. Орловский писал: «11-я, 12-я и 18-я батареи в июле 1941 г. прибыли на железнодорожную базу Маково и вели боевые действия с огневых позиций в районах Усть-Луга, Кихталка, Керстово, а затем Копорье и Калище. Они поддерживали своим мощным огнем оборонительные действия 8-й армии на лужском плацдарме, нанося сосредото-

точенные артиллерийские удары по скоплениям танков и пехоты, по мостам через р. Луга в районах Нарвы и Кингисеппа, по населенным пунктам Ивановское, Поречье и Сабск»⁸.

В частности, 18-я батарея 5 августа вела огонь по скоплению войск противника у реки Луги, в районах Муравейно и Лычино в 3 км северо-западнее Сабска. 10 августа 18-я батарея вела огонь по противнику в районе Муравейно – Поречье.

17 августа в Лужском секторе Кронштадтской ВМБ 12-я и 18-я железнодорожные батареи вели артиллерийский огонь по противнику в районе станций Веймарн— Ямсковицы в 4 км севернее Веймарна.

В июле 1941 г. Военный совет Балтийского флота принял решение установить на железнодорожные платформы морские орудия калибра 100–152 мм, предназначенные для строившихся кораблей и состоявшие на хранении в арсенале.

Для создания железнодорожных транспортеров 100–152-мм орудий использовались обычные четырехосные железнодорожные 60-тонные платформы. У такой платформы снимался деревянный настил, и вместо него настилался рифленый стальной лист. В центре платформы к балкам был приварен стальной лист толщиной 50 мм. К этому листу крепили артиллерийскую установку. Причем артиллерийские установки 130/50-мм Б-13, 120/50-мм и 100-мм Б-24 оставались практически без изменений. Таким образом, были получены обычные корабельные установки на центральном штыве с круговым обстрелом. Транспортеры имели четыре опорные ноги, шарнирно скрепленные с платформой. Приводы наведения, подачи боеприпасов и др. были исключительно ручные.

Переделки в железнодорожной платформе и монтаж корабельной установки осуществлялись за 1–4 дня.

Единственное оригинальное решение имелось в конструкции некоторых 152-мм железнодорожных установок. Их 152/57-мм орудия Б-38 предназначались для башен крейсеров типа «Чапаев». Установка башенного станка на железнодорожную платформу была сложна и требовала создания многих новых устройств, в том числе поворотного механизма. Поэтому 152-мм качающиеся части Б-38 устанавливали на станки от 203/45-мм пушек, спроектированных в 1891 г. Другую часть 152/57-мм железнодорожных установок установили на станках береговых установок МУ-2.

Всего в 1941 г. было установлено на железнодорожных платформах четыре 152/57-мм, тридцать шесть 130/50-мм, четыре 120/50-мм и две 100-мм корабельные пушки.

Первоначально командование фронтом бессистемно передавало железнодорожные установки как Балтийскому флоту, так и отдельным сухопутным частям. Так, например, батареи № 41 и № 42, вооруженные каждая двумя 152/57-мм пушками Б-38, были переданы армии и включены в состав Невского укрепленного сектора. Все батареи имели двузначные номера. Сухопутные начальники не разбирались ни в морских орудиях, ни в железнодорожных транспортерах, армия не располагала боеприпасами для этих пушек, и, в конце концов, было решено сосредоточить всю железнодорожную артиллерию под единым командованием.

8 января 1942 г. была сформирована 101-я морская железнодорожная артиллерийская бригада в составе семи отдельных дивизионов, 11-й отдельной батареи и бронепоезда № 30. Перед бригадой ставились задачи контрбатарейной борьбы с германской артиллерией, ведущей огонь по городу, огневой поддержки наступающих войск Ленинградского фронта, обеспечение морских коммуникаций Ленинград – Кронштадт.

В состав бригады вошли 16 двухорудийных 130-мм батарей, которые до января 1942 г. были переданы армиям Ленинградского фронта, и 12 батарей из состава Балтийского флота. 101-я морская бригада железнодорожной артиллерии была подчинена командиру Ленинградской ВМБ.

Где-то в середине марта 1942 г. двузначные номера железнодорожных батарей калибра 100–152 мм были заменены на четырехзначные, но номера батарей калибра 180–356 мм остались без изменений.

К 15 мая 1942 г. в составе 101-й бригады железнодорожной артиллерии состояло:
отдельная железнодорожная батарея № 11 (356-мм);

бронепоезд № 30;

401-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 12 (180-мм), № 18 (180-мм) и № 19 (180-мм)»;

402-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1100 (130-мм), № 1101 (130-мм), № 1102 (130-мм);

403-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1104 (130-мм), № 1105 (130-мм), № 1106 (130-мм) и № 1107 (130-мм);

404-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1108 (103-мм), № 1109 (130-мм), № 1110 (130-мм) и № 1111 (130-мм);

405-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1112 (130-мм), № 1113 (130-мм), № 1114 (130-мм) и № 1115 (130-мм);

406-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1116 (130-мм), № 1117 (130-мм), № 1118 (130-мм) и № 190 (германские 88-мм);

407-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1120 (100-мм), № 1121 (152-мм) и № 1122 (152-мм).

Глава 4. Артиллерия Ленинградского фронта

В 1928–1937 гг. замнаркома обороны по вооружению маршал М.Н. Тухачевский вместе с начальником Главного мобилизационного управления РККА И.П. Павлуновским и руководством Артиллерийского управления нанесли огромный вред отечественной артиллерии. Именно они оставили армию и флот без зенитных автоматов. К 25 октября 1917 г. русская армия и флот располагали сотнями зенитных автоматов – 40-мм Виккерса и 37-мм системы Обуховского завода. К 1 сентября 1939 г. зенитными автоматами располагали не только ведущие армии мира, но и польская, румынская, финская и другие армии малых государств, а вот в СССР не было на вооружении ни одного зенитного автомата ни в армии, ни во флоте.

Тухачевский и руководство Артуправления считали, что для борьбы с воздушным врагом достаточно 7,62-мм пулеметов «Максим» и универсальных (дивизионно-зенитных) пушек. На флоте же для борьбы с авиацией были составлены таблицы зенитной стрельбы для всех орудия калибра 180 мм, 152 мм, 130 мм, 102 мм, 76 мм, 75 мм и т. д., а также созданы осколочные снаряды с дистанционными взрывателями для всех этих калибров.

Забегая вперед, скажу, что за всю войну известен лишь один случай сбития самолета (из 130-мм пушки Б-13 с эсминца Северного флота) незенитными орудиями. В остальных случаях стрельба из 180-мм и 130-мм орудий производилась лишь для утешения экипажей.

Лишь после устранения Тухачевского и большей части руководства Артуправления в 1938–1939 гг. были созданы образцы 37-мм и 45-мм автоматов, «содранные» с 40-мм автомата Бофорс. Эти автоматы отличались низкой скорострельностью, нерациональной схемой автоматики⁹. Но, как гласит французская пословица, «за неимением лучшего спят с женой».

В 1920–1930-х гг. Тухачевский и руководство Артуправления потратили огромные суммы на создание дальнобойной и сверхдальнобойной артиллерии. Однако большая часть средств пошла на пушки с беспоясковыми снарядами – нарезными, полигональными и подкалиберными¹⁰. Опыты с этими снарядами калибра 76–368 мм велись с 1921 по 1940 г. Их результаты оказались почти тождественны результатам испытаний нарезных, подкалиберных и полигональных снарядов, проведенных на Волковом поле в 1861–1869 гг. Уже тогда русские артиллеристы выяснили нецелесообразность использования подобных снарядов.

В 1931 г. началась разработка большого триплекса – 400-мм мортиры, 305-мм гаубицы и 203-мм пушки на едином лафете. Увы, Тухачевский потребовал, чтобы все системы триплекса были неразборными и на самоходном шасси. Был спроектирован огромный монстр весом свыше 100 тонн и длиной более 12 метров, не проходивший в железнодорожный габарит. Он не мог пройти по подавляющему большинству мостов и т. д. К апрелю 1938 г. изготовили лишь деревянный макет. Работы были прекращены, а руководители проекта арестованы. Естественно, что в 1960-х годах их полностью реабилитировали.

В итоге артиллерия РККА оказалась вообще без орудий особой мощности (ОМ), если не считать тридцати четырех 305-мм гаубиц обр. 1915 г., доставшихся от «проклятого царизма».

Артиллерия большой мощности (БМ) Красной армии состояла из триплекса: 152-мм пушки Бр-2, 203-мм гаубицы Б-4 и 280-мм мортиры Бр-5. По баллистическим качествам эти орудия не уступали западным аналогам. Но их общей бедой был гусеничный лафет, затруднявший поворот орудия при стрельбе и допускавший скорость хода 5–8 км/ч. Эксплуатация этого триплекса вылилась в непрерывную войну личного состава расчетов с гусеничным лафетом. Попытки перевода триплекса на колесный ход начались еще в 1930-х годах и затянулись до середины 1950-х годов, когда сотрудники КБ завода «Баррикады» сумели создать колесный ход для триплекса.

К 22 июня 1941 г. РККА располагала 203-мм гаубицами Б-4 в количестве 872 шт., 280-мм мортирами Бр-5 – 47 шт. и двадцатью четырьмя 152-мм пушками Бр-2. К ним имелось снарядов: 152-мм – 3 тысячи, 203-мм – 395 тысяч, 280-мм – 7 тысяч. При этом 280-мм снаряды были только дореволюционного образца от 280-мм мортир Шнейдера обр. 1914/15 г.

К 22 июня 1941 г. 203-мм гаубицы Б-4 состояли в 33 гаубичных полках большой мощности. По штату в полку полагалось иметь 24 гаубицы. В 1938–1939 гг. была сделана попытка введения Б-4 в корпусные артиллерийские полки, по 6 гаубиц в дивизион. Однако уже в 1939 г. Б-4 начали заменять на 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Тем не менее в каких-то корпусных полках 203-мм гаубицы к началу войны еще остались.

280-мм мортиры входили в 8 отдельных дивизионов ОМ. По штату в каждом дивизионе должно было быть 6 мортир. Наконец, из 152-мм пушек Бр-2 был сформирован только один тяжелый пушечный полк (по штату 24 пушки).

Старые 305-мм гаубицы обр. 1915 г. были сведены в 5 отдельных дивизионов ОМ по 6 гаубиц в каждом. К ним имелось 8 тысяч 305-мм гаубичных снарядов. 305-мм гаубичные и морские снаряды от 305/52-мм пушек являлись взаимозаменяемые, что было проверено рядом стрельб в 1920-х годах.

В мае 1929 г. Реввоенсовет СССР утвердил программу артиллерийского вооружения на 1929–1932 гг. В ней предусматривалось создание корпусной 203-мм мортиры. Увы, мортиру не создали. 5 августа 1933 г. была утверждена Реввоенсоветом система артиллерийского вооружения на 1933–1937 гг., где вновь фигурировала корпусная 203-мм мортира, и опять по вине Тухачевского и Павлуновского 203-мм мортиру не приняли на вооружение, хотя и было испытано несколько опытных образцов.

В 1928 г. возобновились работы над 203-мм гаубицей обр. 1913 г. системы Шнейдера. Еще до начала Первой мировой войны Путиловский завод получил заказ на 32 такие гаубицы, но к 1 августа 1918 г. изготовил лишь некоторое количество деталей, из которых нельзя было собрать даже одну гаубицу.

К 20 января 1929 г. был разработан проект модернизации гаубицы, и Кировскому заводу (бывшему Путиловскому) выдали заказ на шестнадцать 203-мм гаубиц, получивших в конце 1930-х годов индекс Е-16.

Шестнадцать гаубиц Е-16 Кировский завод изготовил, но РККА их к 22 июня 1941 г. не приняла. Е-16 нет в списке орудий, состоявших на вооружении к началу войны. Однако 203-мм Е-16 упомянута в числе действующих орудий в «Справочнике по боеприпасам Красной Армии» 1943 года издания. Вес гаубицы Е-16 в боевом положении 6,4 т. Дальность стрельбы 100 км снарядом весом 11,3 кг. К ней мы вернемся несколько позже.

Таким образом, по вине руководства РККА, в первую очередь маршала Тухачевского, Красная Армия имела очень слабую тяжелую артиллерию. Это стало одной из важнейших причин больших потерь в ходе «зимней» войны с Финляндией в 1939–1940 гг.

Артиллерия вермахта (с учетом трофейных орудий) к началу войны существенно превосходила артиллерию РККА в области орудий большой и особой мощности.

В составе частей Ленинградского военного округа к 1 июня 1941 г. состояло пятьдесят 203-мм гаубиц Б-4, и еще 11 поступили от промышленности в июне.

Три 280-мм мортиры Бр-5 поступили в округ в первой половине 1941 г., в июне 1941 г. поступлений не было.

К 1 января 1941 г. в Ленинградском ВО была одна (!) 152-мм пушка Бр-2, но и она к 1 июня 1941 г. куда-то делась.

К началу войны в составе 23-й армии, дислоцировавшейся на Карельском перешейке, было два гаубичных артиллерийских полка большой мощности, вооруженных Б-4. Остальные Б-4 находились на складах или в составе корпусных полков.

В ходе отступления на Карельском перешейке оба полка (№ 108 и № 519) утратили свою материальную часть. И к 1 декабря 1941 г. Ленинградский фронт располагал лишь шестью 203-мм гаубицами. Это 203-мм гаубицы организационно входили в 1155-й пушечный артиллерийский полк (двенадцать 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20).

К 1 мая 1942 г. в боевом составе было четыре 203-мм гаубицы, к 1 сентября 1942 г. – вновь шесть, а к 1 декабря 1942 г. – восемь.

К сожалению, мне не удалось выяснить, что это были за гаубицы Б-4 – полученные от завода «Большевик» или Е-16 с Кировского завода. Так или иначе, но в феврале 1943 г. из 203-мм гаубиц был сформирован внештатный артиллерийский дивизион, а в 1155-м полку число МЛ-20 было увеличено с 12 до 18.

В апреле 1943 г. на базе нештатного артиллерийского дивизиона большой мощности был сформирован 1640-й гаубичный артиллерийский полк большой мощности.

Кроме того, три гаубичных дивизиона большой мощности, оснащенного 203-мм гаубицами, были переданы в 1943 г. Ленинградскому фронту из резерва Ставки: в январе 1943 г. – 324-й полк большой мощности, в апреле – 168-й и осенью – 137-й полк большой мощности.

В результате к 1 мая 1943 г. Ленинградский фронт располагал сорока пятью 203-мм гаубицами, а в сентябре – декабре 1943 г. – сорока восьмью гаубицами.

Первые две 152-мм пушки Бр-2 прибыли в Ленинград в начале 1943 г., к 1 сентября 1943 г. там было 20, а к 1 декабря 1943 г. – 21 такая пушка.

Таблица 2. Состав корпусной артиллерии Ленинградского фронта

	01.12. 1941	01.05. 1942	01.09. 1942	01.12. 1942	01.05. 1943	01.09. 1943	01.12. 1943
107-мм и 122-мм пушки	57	70	74	70	89	176	172
152-мм гаубицы- пушки МЛ-20	19	10	70	118	189	193	192
122-мм гаубицы	172	159	134	190	376	480	519
152-мм гаубицы	107	115	98	95	83	108	133

Как видим, сухопутная артиллерия Ленинградского фронта была невелика количественно, а главное, до 1943 г. не имела орудий с дальностью стрельбы свыше 20 км. Не будь морской артиллерии, германские дальнобойные пушки могли бы практически безнаказанно расстреливать Ленинград в 1941–1942 гг.

Глава 5. Ленинградские «катюши»

27 июля 1941 г. в Ленинград из Москвы перешла 4-я отдельная гвардейская минометная батарея – 6 БМ-13 на шасси ЗИС-6. Командовал батареей лейтенант П.Н. Дегтярев. Первоначально она дислоцировалась в Гатчинском парке.

Первый залп батареи Дегтярева произвела 3 августа 1941 г. под Кингисеппом, затем в течение августа 1941 г. наносила удары по скоплениям войск противника на станции Веймарн и в поселке Молосковицы. 13 августа 1941 г. под удар батареи в районе Большого и Малого Сосновских попала 6-я танковая дивизия. С развитием событий батарея была оттянута обратно в Красногвардейск. В один из последних дней августа 1941 г. батарея нанесла удар в район Пустошки. До начала масштабного наступления немецких войск батарея отведена в Ленинград, где в сентябре 1941 г. была переформирована в дивизион.

23 сентября 1941 г. дивизион приступил к боевым действиям, наносит удар из района Вологодско-Ямской Слободы на Урицк. До ноября 1941 г. действует в районе Урицк – Старо-Паново.

К производству снарядов для «катюш» РОФС-132 в Ленинграде было привлечено 15 заводов самого различного профиля. Так, среди них Ижорский, Адмиралтейский, Пролетарский, «Пневматика», «Арсенал», «Большевик» и др. 27 августа 1941 г. были собраны первые двадцать 132-мм реактивных снарядов. А уже в 1942 г. снаряжалыщики сдали 20 092 снаряда М-13.

Но вернемся к дивизиону Дегтярева. 10 ноября 1941 г. его отвели в район Невской Дубровки на переформирование, в результате которого на базе дивизиона был сформирован 38-й гвардейский полк, который, в течение длительного времени являясь единственной воинской частью гвардейских реактивных минометов в Ленинграде, действовал на всем периметре блокадного кольца. Так, на май 1942 г. он дислоцировался в районе Пулковских высот, а в ходе операции «Искра» наносил удары в районе деревни Марьино.

Любопытно, что в начале 1942 г. в Ленинграде за неимением достаточного числа автомобилей ЗИС-6 стали монтировать артиллерийские части М-13 на шасси ЗИС-5. Эти довоенные машины с мотором в 73 л. с. имели очень плохую проходимость по грунту. Однако под Ленинградом дороги были в относительно хорошем состоянии.

Таблица 3. Рост числа полков реактивной артиллерии под Ленинградом

Дата	01.05.1942	01.09.1942	01.12.1942	01.05.1943	01.09.1943	01.12.1943
Полков	1	4,5*	4,5*	10	13	13

* По другим источникам на 19 ноября 1942 г. на Ленинградском фронте состояло отдельных дивизионов с М-13 – 1, с М-30 – 7 и один полк с М-13 трехдивизионного состава (38-й гвардейский минометный полк).

На 1 января 1943 г. в составе Ленинградского фронта имелось отдельных дивизионов М-13 – 1, М-30 – 11; полков М-13 – 1; всего дивизионов – 15. То есть с 19 ноября 1942 г. добавилось 4 дивизиона М-30.

Обратим внимание, что среди этих частей нет дивизионов, вооруженных ракетами М-28 (МТВ-280). Их, как это обычно делали в Красной армии с трофейными и малосерийными системами, в документах писали как М-30.

При этом 3 полка переданы Ставкой РВГ и 3 сформированы на Ленинградском фронте. 14 дивизионов прибыли из Ставки и 6 сформированы на фронте.

В ходе Синявинской операции (27 августа – 10 октября 1942 г.) в составе 55-й армии состояло 6 дивизионов М-30 (М-28?) с 432 рамами и один полк М-13 с 34 боевыми машинами.

Летом 1943 г. в состав Ленинградского фронта переведена 1-я гвардейская минометная дивизия реактивных артсистем. В ее состав вошли три гвардейские минометные бригады – 2-я, 5-я и 6-я.

В июле 1941 г. в полевых мастерских одного из авиаполков, базировавшегося в деревне Сарожа под Тихвином, были изготовлены две 12-зарядные пусковые установки, сконструированные лейтенантом Барановым для стрельбы авиационными реактивными снарядами РС-82 и РС-132 с использованием штатных направляющих и других элементов авиационных пусковых устройств. Установки предназначались для стрельбы по воздушным целям.

После их испытаний в боевых условиях стрельбой по воздушным целям, по указанию генерала И.П. Журавлева, в августе 1941 г. на полевом авиаремонтном заводе в Пикалево было изготовлено еще шесть подобных установок для стрельбы по наземным и воздушным целям: две 12-зарядные для 132-мм реактивных снарядов и четыре 24-зарядные для 82-мм снарядов.

Пусковая установка представляла следующую конструкцию: на раме из стальных труб в центре крепился центральный прибор – пульт управления пуском ракет, по бокам – в два этажа направляющие для 12 РС. Рама крепилась основанием в подшипнике, укрепленном на станине из стального уголкового набора. Боевая машина для 82-мм реактивных снарядов была создана на базе шасси автомобиля ЗИС-5, в кузове которого была размещена пусковая установка.

Первое боевое применение импровизированных ракетных зенитных установок состоялось 14 ноября 1941 г. под деревней Сарожа возле Тихвина на позициях 4-й армии. Тогда снарядом РС-82 был сбит «Юнкерс-88». Четыре зенитные реактивные установки применялись 47-м батальоном аэродромного обслуживания в районе Песочной, 6-го района 13-й воздушной армии. Там при их первых испытаниях стрельбой с боевой позиции произошла авария, обгорели офицеры, наблюдающие за событием и не укрывшиеся.

Ракетные установки Баранова использовались и на Волховском фронте. Боевые машины были применены для стрельбы по наземным целям в районе поселков Шамушки и Бор.

В августе 1941 г. в Ленинграде был разработан проект другой боевой машины – М-8-а (М-8А) на шасси автомобиля ГАЗ-АА для стрельбы 82-мм реактивными снарядами М-8. Установка была предназначена для стрельбы по местам сосредоточения живой силы противника, переправам, легким укрытиям и т. д. Испытания системы М-8-а были проведены на АНИОПе 28 августа 1941 г. После устранения замечаний 29 сентября автоустановка прошла там же дополнительные испытания. Тогда уже Ленинград находился в блокаде.

Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта № 00366 от 30 октября 1941 г. изготовление установок М-8А было поручено заводу № 218, всего заказали 20 боевых машин. Из них 10 в ноябре, остальные задавалось поставить в декабре 1941 г. Для подготовки личного состава уже в ноябре 1941 г. было разработано «Краткое руководство службы по автоустановке М-8-а».

Ленинградский фронт был единственным, где применялись турбореактивные снаряды М-28 и М-32 – реплики германских 28-см фугасной мины WK.Spr. и 32-см зажигательной мины WK.Fl.

В середине марта 1942 г. в поселке Кондуя частями Красной армии был захвачен германский склад боеприпасов, где среди прочих хранились 28-см фугасные мины WK.Spr. и 32-см зажигательные мины WK.Fl. Эти снаряды доставили на Ржевку, где на их базе были созданы отечественные реплики – фугасные турбореактивные снаряды М-28 и М-32. В ряде отечественных документов М-28 именовался «МТВ» – мина тяжелая вращающаяся.

Работами по М-28 и М-32 руководили заместитель начальника НИАПа инженер-полковник С.М. Серебряков и начальник конструкторского отдела полигона М.Н. Алешков.

Корпус боевой части снаряда М-28 штамповали из листовой стали толщиной 2–3 мм, а затем сваривали. Внутри корпуса заливали 45,4 кг расплавленного тротила или амматолу 40/60 и получали так называемый тяжелый снаряд весом 82 кг с дальностью полета 1900 м. Если боевую часть снаряжали 30 кг амматолу 80/20 путем ручной набивки, то вес снаряда составлял 65 кг, а дальность полета 3000 м.

В М-32 заливали около 50 кг зажигательного вещества.

Двигатели обоих снарядов были одинаковыми.

В нарезное дно головной части ввинчивалась реактивная часть, выполненная в виде тонкостенного цилиндра с навинтным днищем – соплом, в котором имелось 26 сопловых отверстий, расположенных под углом к оси снаряда. В корпусе реактивной части помещалась пороховая шашка-моноблок с семью продольными каналами. Вес шашки 6,9 кг.

Снаряды транспортировались по одному в упаковочных ящиках, из которых они и выстреливались. Для производства выстрела упаковочные ящики со снарядами М-28 укладывались на деревянные или металлические пусковые станки-рамы. В первом случае на раму укладывали два ящика, во втором – четыре. Чтобы избежать смещения и опрокидывания при выстреле, рамы прикрепляли к земле с помощью сошников и растяжек. Вертикальное наведение производилось путем перемещения рамы вниз по подпоркам, имеющим дополнительные отверстия, в которые вставлялся болт, связывающий подпорку с рамой.

Запуск снарядов М-28 производился с помощью электрозапалов от подрывной электрической машинки. Тяжелый снаряд М-28 с боевой частью, снаряженной 45 кг амматолу, при падении на грунт средней плотности образовывал воронку диаметром около 7 м и глубиной около 2 м. Облегченный снаряд весом 65 кг с 30 кг амматолу 80/20 при взрыве в грунте образовывал воронку диаметром около 5 м и глубиной около 1,5 м.

Дети изготавливают реактивные снаряды М-28.
Ленинград. 1942 г.

Снарядами М-28 был оснащен дивизион трехбатарейного состава. В каждой батарее имелось три взвода по 16 снарядов М-28 в каждом. Всего в дивизионе состояло 192 снаряда.

Изготовлением реактивных снарядов М-28 и станков для их пуска в Ленинграде занимались более десяти предприятий, среди них: машиностроительный завод им. В.И. Ленина, завод «Большевик», 3-я мебельная фабрика, Охтинский химический комбинат.

Таблица 4. Данные тяжелых фугасных снарядов

Тип снаряда	М-28	М-30	М-31	М-31	М-31УК
Индекс ГАУ снаряда	—*	—*	Ф-972	—*	Ф-973
Баллистический индекс	—	ТС-20	ТС-31	ТС-47	ТС-52
Время принятия на вооружение	май 1942 г.	июнь 1942 г.	январь 1943 г.	1944 г.	апрель 1944 г.
Калибр, мм	280	300	300	300	300
Длина снаряда без взрывателя, мм	1250	1400	1760	1760	1760
Размах крыльев стабилизации, мм	крыльев нет	300	300	—	300
Вес снаряда со взрывателем, кг	82,0	72,0	92,4	91,5	94,8
Вес ВВ, кг	45,4	28,9	28,9	28,9	28,9
Вес порохового двигателя, кг	6,0	7,1	11,2	11,2	11,2
Максимальная скорость снаряда, м/с	—	195	255	—	245
Дальность табличная максимальная, м	1900	2800	4325	4250	4000
Отклонения при максимальной дальности, м: по дальности боковое	47,5 38	90 140	105 255	75 155	55 75

* К моменту принятия таких индексов ГАУ этих снарядов на вооружении уже не было.

Возможности М-28 и М-32 (МТВ-280 и МТВ-320) хорошо видны из отчета об их испытаниях на АНИОПе:

«Сегодня 12 августа на АНИОПе был проведенные очередные испытания МТВ-280 и МТВ-320 в количестве 8 штук, снаряженные заводом № 522 следующими составами:

- 3 шт. МТВ-320 жидкостным зажигательным составом;
- 2 шт. МТВ-320 и 1 шт. МТВ-280 термитными сегментами;
- 2 шт. МТВ-280 (фугасные) тротилом.

Испытания показали, что выпущенные 3 мины МТВ-320, снаряженные жидкостным зажигательным составом (смесь нитрокреклетчатки с бензином, соляровым маслом и бертолевой солью), показали хороший результат воспламенения жидкости с большим поражением площади горящей смесью. Огнём была охвачена площадь, насчитывающая до 50 и больше очагов загорания. Все три мины сработали хорошо и показали удовлетворительные результаты.

Мины МТВ, снаряженные термитными сегментами, являются комбинированными минами фугасно-зажигательного действия. Выпущенные 2 шт. МТВ-320 и 1 шт. МТВ-280 сработали хорошо и дали большой разброс горящих термитных сегментов, образовав большое количество пожаров на местности. Отдельные сегменты разбрасывались от места взрыва до 300 метров. При разрыве мины образовалась воронка до 1 метра глубиной и 2 метров в диаметре.

С целью получения повышенной дальности мин МТВ-280 заводом № 522 был изменён метод снаряжения, заливка мины тротилом заменена засыпкой, что облегчило её вес до 17 кг.

Результаты стрельбы показали: дальность полёта 1 мины – 3100 метров и 2 мины – 3400 метров»¹¹.

Не менее любопытна и справка «Сравнительные данные боевых качеств реактивного снаряда М-30, МТВ-280 и МТВ-320»:

«Научно-исследовательская группа артволигона, сопоставив реактивный снаряд М-30 по проекту Главного управления минометных частей с находившимися в производстве на Ленинградских заводах минами МТВ-280 и МТВ-320, дает следующие сравнительные данные:

Снаряд М-30 в конструктивном отношении представляет из себя осколочно-химический снаряд, который можно использовать как зажигательный и фугасный, с изъятием в последнем случае центральной трубки из головной части. Мины МТВ также могут быть использованы в этих направлениях, причём они могут взять больше ОВ, чем М-30, и быть эффективнее. (МТВ – 27,5 кг, МТВ-320 – 37 кг, М-30 – 14,5 кг.)

Эти же преимущества у мин МТВ перед М-30 остаются при снаряжении зажигательными веществами, т. к. устройство и действие зажигательной мины аналогичны действию химической мины.

Если переделать снаряд М-30 под фугасный снаряд, изъяв центральную трубку в головной части, то вес разрывного снаряда составит 28 кг ВВ, в то время как в mine МТВ-280 намечается 48 кг, что в 1,7 раза больше, чем в М-30. Отсюда сила взрывной волны МТВ-280 будет иметь более губительное действие, чем от М-30.

В части осколочного действия М-30 имеет преимущества, т. к. головная часть его сварена из железа толщиной в 7 мм, в то время как толщина стенок головной части МТВ-280 составляет 2 мм. Как осколочно-фугасный реактивный снаряд М-13 намного превосходит М-30 как по дальности, так и по осколочно-фугасному действию, и он освоен в Ленинграде в массовом производстве.

Дальность полёта снаряда М-30 по подсчётам незначительно превышает мины МТВ-280. Снаряд М-30 в химическом снаряжении летит на 2650 метров, а мины МТВ-280 в фугасном снаряжении на 2000 метров, таким образом, ощутительных преимуществ по дальности эти снаряды не имеют.

По трудоёмкости производство снаряда М-30 займёт больше времени, чем мины МТВ-280 почти на 6,5 ч.

На основании заключений, данных АНИОПом, считаем, что:

Заменять мины МТВ-280 и МТВ-320, уже находящиеся в валовом производстве на Ленинградских заводах, на снаряд М-30 нецелесообразно.

Оставить в производстве на Ленинградских заводах реактивные снаряды и мины следующих калибров: М-13, М-8, МТВ-280, МТВ-320 как уже полностью освоенные»¹².

Войсковые испытания ракет М-28 были проведены на Ленинградском фронте 20 июля 1942 г. в районе Старо-Паново – 192 тяжелые мины М-28 (более 12 тонн взрывчатки и стали) накрыли сразу два батальона противника: испанских добровольцев из Голубой дивизии и менявших их в это время в укреплённом районе Старо-Паново немцев.

Кроме пусковых установок рамного типа, к началу осени 1942 г. в Ленинграде разработали самоходную шестизарядную пусковую установку ЛАП-7 (ЛАП – Ленинградский артиллерийский полигон). Ее артиллерийскую часть смонтировали на трехосном грузовом автомобиле ГАЗ-АА. Характерной особенностью ЛАП-7 стало поперечное расположение укупорочных ящиков, подобное тому, которое использовалось в опытной установке МУ-1. ЛАП-7 позволяла производить раздельное попарное вертикальное наведение реактивных мин, то есть можно было запускать три пары снарядов под различными углами возвышения – производить обстрел одним залпом трех различных целей.

Любопытно, что по германским Таблицам стрельбы 28-см WK.Spr и 32-см WK. (M).Fl имели минимальную дальность 700 м, а у МТВ-280 и МТВ-320 минимальной дальностью считалось 1200 м.

Как видим, реактивные установки сыграли важную роль в обороне Ленинграда и прорыве его блокады. Поскольку реактивные снаряды под Ленинградом применялись в основном по хорошо укреплённым позициям противника, то среди них преобладали тяжелые фугасные снаряды М-28, М-32 и М-30.

Глава 6. Карельский УР

К 1939 г. предполагалось, что КаУР будет оборотать стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий. В каждом стрелковом полку наряду со стрелковыми батальонами имелся артиллерийско-пулеметный батальон, который предназначался для дислокации в укрепленных сооружениях.

Наиболее распространенные сооружения в КаУРе – пулеметные доты с широким сектором обстрела. Они подразделялись на два типа – большие и малые.

Наиболее распространенный вариант дота малого типа – трехамбразурный, хотя изредка встречаются и двухамбразурные сооружения. Они одноэтажные, размером 8–9 на 6 м, толщина стен от 1 м до 1,5 м, толщина покрытия 0,8–0,9 м, площадь внутренних помещений 12–15 кв. м. Подобные доты размещались позади сооружений большого типа или между ними и прикрывали их с тыла или простреливали промежутки между БРО¹³.

Доты большого типа имели 3–6 амбразур, обычно они двухэтажные – в сооружениях, расположенных в заболоченной местности, вместо нижнего этажа сооружался центральный каземат-убежище. Размеры таких дотов 10–13 на 8–12 м, стены толщиной 1,4–1,9 м, покрытие 0,9–1,35 м, площадь помещений на обоих этажах – 40–100 кв. м.

К 1941 г. пулеметные доты составляли 80 % от укрепленных точек КаУРа. Из них малых сооружений было около 1/4, а больших – 3/4. Наиболее распространенный тип малого сооружения – трехамбразурный, большого – четырехамбразурный двухэтажный.

Изнутри стены и потолки имели обычно противооткольное покрытие из стали толщиной 5–7 мм, что исключало поражение гарнизона осколками бетона. Иногда вместо противооткольного покрытия во внутренний слой бетона укладывалась мелкаячеистая проволочная сетка в два-три слоя. Но в КаУРе этот способ защиты людей от осколков бетона применялся крайне редко, только в сооружениях 1938–1939 гг. постройки.

Пулеметные доты отличались широкими секторами обстрела: не менее 180°, а у шестиамбразурных – до 360°. Сектор обстрела амбразуры – 60–90°, сектора взаимно перекрывались на 10–15°. Наружное отверстие амбразуры имело 1,5–3 м ширины и около 0,4 м высоты. Попасть в такую амбразуру, тем более расположенную у самой земли, даже из противотанкового орудия было почти невозможно. Внутреннее отверстие амбразуры имело 0,18 м в высоту и 0,12 м в ширину. Оно перекрывалось бронезаслонкой толщиной 20–40 мм, которая могла принимать три фиксированных положения по высоте, так что размеры отверстия можно было регулировать с помощью специального рычага в зависимости от положения ствола пулемета.

Пулеметы Максима образца 1910 г. устанавливались на специальном металлическом (станок Юшина) или деревянном станке (СТАД).

Пушечный дот КаУРа.
(Фотобанк Оборонительных сил Финляндии).

Пулемет Максима снабжался замкнутой системой смены воды в пулеметных кожах.

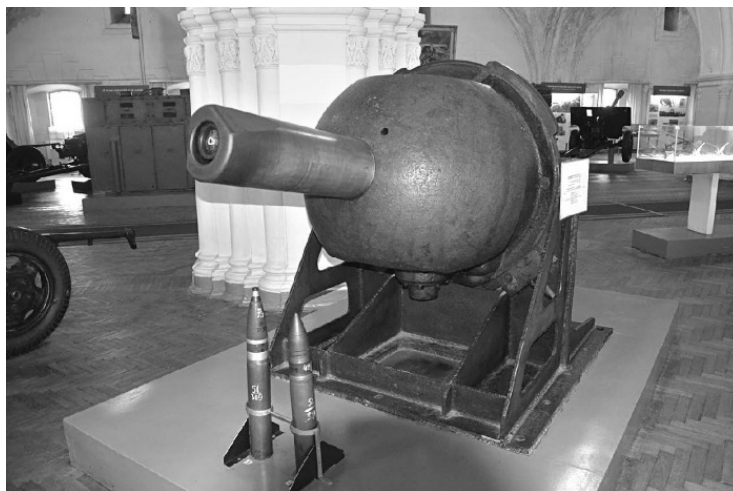
Боекомплект каждого станкового пулемета составлял 20 тыс. патронов, а ручного – 10 тыс. патронов. При этом на станковый пулемет приходилось по восемнадцать лент, которые должны были храниться набитыми, что составляло 4,5 тыс. патронов на ствол, а оставшиеся 15,5 тыс. содержались в цинках в хранилище в нижнем этаже дота или в каземате-убежище.

Артиллерийские доты вооружались первоначально 76-мм пушкой образца 1902 г. со стволом в 30 калибров на казематной станке Путиловского завода 1932 г., а иногда 76-мм противотанковой пушкой обр. 1910 г. со стволом, укороченным до 20 калибров. Дальность стрельбы казематной «трехдюймовки» достигала 5500 м, угол возвышения 12° , снижения – 7° , горизонтальной наводки – 40° .

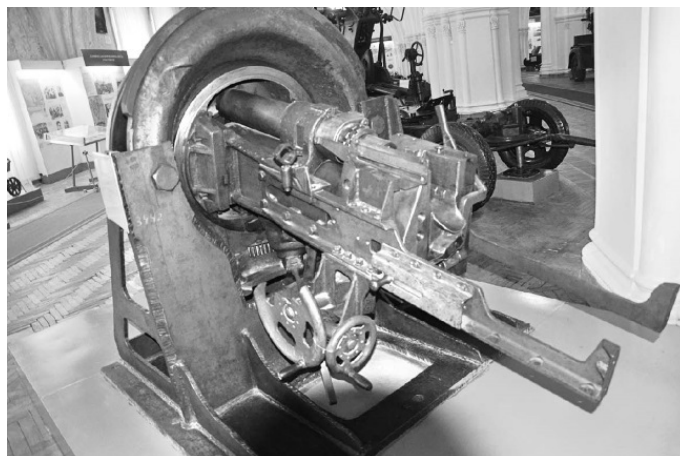

Пушечный дот с 76-мм пушкой Л-17. 1941 г.
(Фотобанк Оборонительных сил Финляндии).

Позднее появилась 76-мм казематная пушка Л-17 образца 1940 г. со стволом в 30 калибров. Она представляла собой незначительно измененную танковую пушку Л-11. Максимальная дальность стрельбы достигала 4800 м, бронепробиваемость (бронепробиваемость)

76-мм казематная пушка Л-17, изготовленная на Кировском заводе в 1941 г. В том же году установлена в капонире дота под Ленинградом. Вид спереди. Хорошо видна бронированная маска. (Фото А. Широкограда)

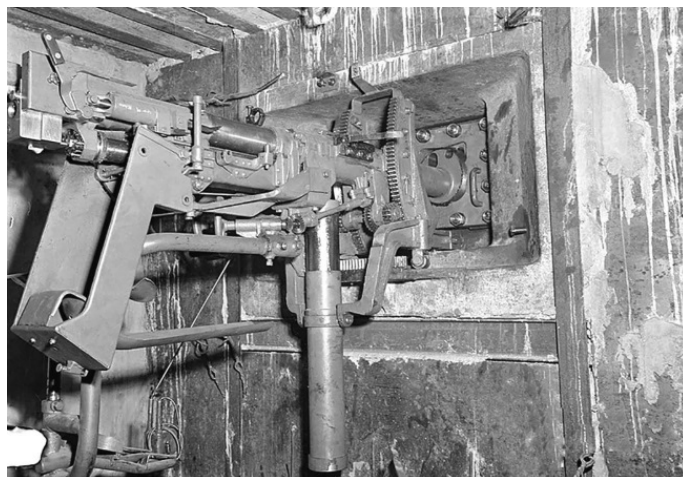

76-мм казематная пушка Л-17. Вид сзади.

Хорошо виден клиновой полуавтоматический затвор в установочной части. (Фото А. Широкограда)

бойным снарядом) при угле встречи 90° на дистанции 500 м составляла 55 мм. Орудие устанавливалось в бронемаске. Сектор горизонтального обстрела составлял 60° , углы возвышения и склонения – по 12° . Ствол заключался в броневую трубу, предохранявшую его от повреждения осколками. Иногда вместе с пушкой устанавливался спаренный пулемет.

С 1938 г. в дотах устанавливали 45-мм пушку дот-4. Амбразуры дот-4 позволяли вести огонь по горизонту в секторе 60° , при углах возвышения и склонения по $10\text{--}15^\circ$. Дальность стрельбы до 2 км, по танкам – до 1 км. Артиллерийские полукапониры вели, как правило, фланкирующий огонь, со стороны фронта стволы орудий дополнительно защищались отбойными стенками, казематы двухорудийных дотов располагались уступом.

45-мм казематная установка ДОТ-4.
(Фотобанк Оборонительных сил Финляндии).

Иногда батальонные районы обороны усиливались башнями от старых танков МС-1, оснащенными пулеметом или 45-мм танковой пушкой.

Финны осматривают дот с башней танка МС. Карельский УР.

Все доты КаУРа были обеспечены электропитанием. В малые доты ток подавался из больших по подземным кабелям. В больших сооружениях были печи для отопления и приготовления пищи, а некоторые артиллерийские оснащались системой центрального отопления. Канализация в подавляющем большинстве сооружений отсутствовала, во время боя предполагалось пользоваться выносными ведрами с герметичными крышками. Все сооружения оборудовались телефонной связью, большие – еще и радиостанцией БПК с дальностью передачи телефоном 3 км, а телеграфом – 6 км.

При строительстве КаУРа предусматривалось взаимодействие с Кронштадтским УРом, доты которого располагались на фортах к северу и востоку от острова Котлин и с береговой артиллерией.

Боевое крещение КаУРа состоялось 30 ноября 1939 г., когда подразделения укрепрайона вместе с пограничниками приняли участие в захвате финских кордонов на границе. Есть

сведения о том, что 73-я и 74-я отдельные элетротехнические роты (оэтр), входившие в состав КаУРа, в тот же день нанесли «электроудар» по телефонным и телеграфным линиям финнов, подключив их к советской сети высокого напряжения. В результате была выведена из строя финская гражданская сеть связи на всем Карельском перешейке.

После изменения линии границы по мирному договору 12 марта 1940 г. КаУР, по мнению советского командования, потерял свое значение. Его доты были законсервированы, опабы свернуты в пулеметные роты, орудия и пулеметы, снятые с КаУРа, передали для вооружения Выборгского УРа, который был сооружен в 1940–1941 гг. На 14 августа 1940 г. в состав КаУРа входили: 4 и 7 опаб, саперный батальон, рота связи, 73 и 74 оэтр (отдельная элетротехническая рота – прим. ред.) и четыре конных взвода, предназначенных для патрулирования территории укрепрайона.

В декабре 1940 г. КаУР был переименован в 22-й УР.

Финские войска на Карельском перешейке начали общее наступление 31 июля 1941 г. Главный удар наносился на кексгольмском направлении. Финны планировали выйти к западному побережью Ладожского озера, расчленив 23-ю армию.

5 августа советские 198-я механизированная и 142-я стрелковая дивизии попытались нанести контрудар противнику из района Лахденпохья в западном направлении, но понесли большие потери и отошли на исходные рубежи.

6 августа финны вновь перешли в наступление. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, финны к исходу 9 августа вышли в районы Лахденпохья, Куркиёки и Хийтола к побережью Ладожского озера. В результате правый фланг 23-й армии оказался рассеченным на три изолированные друг от друга группировки.

В начале сентября наступление войск противника на Карельском перешейке было остановлено в районе Сестрорецка – Белоострова, где противник попал под огонь крупнокалиберной артиллерии кораблей и фортов Кронштадта. За одну неделю по его позициям было выпущено 2100 тяжелых снарядов.

29 августа финны взяли Выборг и Кивеннуу, 30 августа – Райволу и 31 августа – Териоки.

1 сентября Военный совет Ленинградского фронта принял решение отвести 23-ю армию на рубеж Карельского укрепрайона (№ 22), проходивший по границе 1939 г. Войска 23-й армии к исходу 1 сентября заняли оборону на рубеже Карельского укрепрайона.

С 27 июня 1941 г. началось спешное довооружение КаУРа (22-го УРа) и строительство новых укреплений.

Вопреки распространенному среди наших историков мнению, финны не остановились на старой границе, то есть на линии укреплений КаУРа. Так, отступающие части 23-й армии не смогли организовать оборону на рубеже рек Сестра и Выюн, и передовые доты КаУРа были захвачены практически без сопротивления, тем более что вооружения они не имели, многие сооружения и вовсе были не окончены, а интервалы между отдельными дотами доходили до 6 км и более.

4 сентября части 18-й пехотной дивизии финнов переправились через реку Сестру, заняли железнодорожную станцию Белоостров и захватили артиллерийский полукапонир на берегу ручья Серебряный, в 300 м от реки Сестры. Это был один из крупнейших дотов КаУРа, вооруженный двумя пушками и двумя пулеметами, площадью около 200 кв. м. Дот был построен в 1938 г. Неофициально его называли «Миллионер», так как, по слухам, он стоил миллион рублей.

4 сентября 22-му УРу был придан 107-й отдельный танковый батальон, оснащенный танками КВ.

В сентябре – ноябре 1941 г. советские войска несколько раз безуспешно пытались отбить дот «Миллионер». В целом же линия фронта стабилизировалась по линии дотов КаУРа (22-го

УРа). Таким образом, именно 22-й УР остановил финнов, а не приказ Маннергейма не штурмовать город, где финский фюрер провел свою молодость.

Любопытно, что в начале ноября командование Ленинградского фронта разрешило использовать девушек в гарнизонах дотов, находящихся вне непосредственного соприкосновения с противником (таких было большинство). В результате образовались чисто женские гарнизоны, например в 4-й роте 154 опаб гарнизон 2-амбразурного дота «Воля» состоял из 11 девушек, 2-амбразурного дота № 75 «Балхаш» – из 8.

Осенью 1941 г. завершилось формирование дополнительных опаб, начатое еще в августе. Теперь на каждый БРО приходилось по одному батальону. Всего опаб в КаУРе было одиннадцать: 1-й, 4-й, 63-й, 106-й, 112-й, 113-й, 126-й, 154-й (с 3 января 1943 г. носил номер 522), 193-й, 246-й и 293-й.

В конце ноября боевые порядки войск на левом фланге КаУРа были уплотнены: Сестрорецкий и Белоостровский БРО заняла 20-я стрелковая дивизия НКВД, в августе 1942 г. переименованная в 92-ю стрелковую дивизию и простоявшая здесь до июня 1944 г.

Весной 1942 г. финские войска предприняли ряд попыток улучшить занимаемые позиции. К юго-западу от Лембаловского озера, у истоков реки Охта, финнам больше всего досаждал орудийно-пулеметный дот, находившийся у дороги на Термолото. Это сооружение, построенное в 1939 г., было вооружено двумя 45-мм пушками дот-4 и двумя пулеметами. Финны называли его «Оянен», по фамилии погибшего в одной из атак капитана. 31 марта 1942 г. 2-й батальон 7-го пехотного полка 2-й пехотной дивизии финнов предпринял атаку с целью уничтожения дота. Противник смог ворваться в траншею и взорвать дот. Контратакой финны были отброшены в исходное положение.

Зимой 1941/42 г., когда в Ленинграде ощущался острый дефицит электроэнергии, 73-я и 74-я оэтр, входившие в состав 22-го УРа, под руководством военинженера 3-го ранга А.М. Хватовкера смогли подключиться к финским электрифицированным заграждениям и использовали полученную электроэнергию для сварки на месте броневых огневых точек. Попросту говоря, воровали у финнов электроэнергию.

К 1 июня 1944 г. 22-й УР насчитывал 8030 чел. личного состава, 289 орудий (в том числе 106 – 45-мм противотанковых и 25 зенитных), 195 миномётов (в том числе 31 50-мм) и 14 танков. 17 УР состоял из 4178 солдат и офицеров, 115 орудий (в том числе 38 противотанковых и 2 зенитных) и 85 минометов.

Артиллерия 22-го и 17-го УРов принимала участие в артиллерийской подготовке 9 и 10 июня 1944 г. В наступлении принял участие и один из батальонов 17-го УРа – правифланговый 112-й опаб, занимавший Никулясский БРО. Этот батальон вышел на берег реки Тайпален-йоки (река Бурная) и держал там оборону до подписания перемирия с Финляндией в сентябре 1944 г.

9 июня 1944 г. две 203-мм гаубицы Б-4 18-й гвардейской гаубичной артиллерийской бригады с дистанции около километра открыли огонь прямой наводкой по доту «Миллионеру». Гвардии капитан И.И. Ведмеденко корректировал огонь своих орудий, находясь в 150 м от дота, впереди первой нашей траншеи.

Батарею прикрывали два пушечных дивизиона. Было выпущено 140 снарядов, попаданий 96, по другим данным – 90. Одновременно к доту приближалась инженерно-штурмовая группа под командой командира 2-й роты 106-го инженерного батальона Н. Богачева. Многочисленные попадания не смогли пробить насквозь 1,5-метровую стену сооружения, но в доте, очевидно, создались невыносимые условия, и гарнизон покинул дот, взорвав его в тот момент, когда к нему приблизилась штурмовая группа.

Таким образом, с севера Ленинград к 22 июня 1941 г. был настоящей крепостью. Ну а об огневых ударах по финнам корабельной и береговой артиллерии говорится в других главах.

Глава 7. Гитлер и Маннергейм идут на Ленинград

Согласно плану «Барбаросса», захват Ленинграда и Кронштадта являлся одной из промежуточных целей, вслед за которой должна была быть проведена операция по взятию Москвы.

Согласно Директиве № 21 от 18 декабря 1940 г. Верховного командования Вооруженными силами Германии следовало: «...уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы – важного центра коммуникаций и военной промышленности».

Судьба самого Ленинграда на начало войны оставалась неясной. Разумеется, он имел значение для Германии как порт и хозяйственный центр. Кроме того, город являлся и крупным политическим центром. Но уже 8 июля 1941 г. генерал-полковник Ф. Гальдера говорил: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае потом мы будем вынуждены кормить в течение зимы. ...Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще».

Очевидно, что для высшего руководства Третьего рейха Ленинград как город ценности не представлял; важно было, чтобы он утратил свою ценность как хозяйственный (в том числе и как военно-хозяйственный) и политический центр для русских.

Тем не менее судьба Ленинграда высшим руководством Германии и прежде всего Гитлером к началу операции так и не была окончательно решена. Гитлер не мог принять окончательного решения. Так, 21 июля 1941 г. в ходе поездки в группу армий «Север» он заявил, что «в сравнении со значением Ленинграда Москва для него всего лишь географический объект», но позже изменил свою точку зрения. Судьба самого города оставалась неопределённой до середины сентября 1941 г.

В подготовленных в ставке Гитлера тезисах доклада «О блокаде Ленинграда» от 21 сентября указывалось: «...б) сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией...; г) остатки “гарнизона крепости” останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город... вывезем все, что осталось живое, вглубь России или возьмем в плен, сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии».

Сейчас финские и отечественные финнозависимые историки¹⁴ доказывают, что финны в 1941 г. планировали лишь восстановить старую (1939 г.) советско-финскую границу и перейти к стратегической обороне.

На самом деле финское правительство буквально со дня подписания мирного договора (12 марта 1940 г.) начало подготовку к новой войне.

Причем финское правительство готовило к войне не только солдат и пушки. По приказу премьер-министра Рюти 17–18 мая 1941 г. были мобилизованы историки и лингвисты. Под руководством профессора Ялмари Яккола они стали сочинять обоснование аннексий территорий СССР. Однако их опередили военные. Уже 30 мая 1941 г. главный квартирмейстер генерал-майор А.Ф. Айро предоставил маршалу Маннергейму пять вариантов аннексий, в зависимости от того, в каком положении окажется СССР после заключения мира.

В минимальном варианте, если бы Советский Союз по-прежнему оставался серьезным фактором, Финляндия хотела бы только скорректировать свою восточную границу между Ладогой и Куусамо. Это было бы компетенцией за передаваемую территорию на Карельском перешейке, необходимую для обеспечения безопасности Ленинграда (около половины перешейка).

В максимальном варианте (№ 5) было много неясностей. И дело тут не в скромности господина Айро, который с большим удовольствием установил бы финскую границу по Ураль-

скому хребту, а в неясности претензий немцев. Если Кольский полуостров немцы твердо решили брать себе, то с границей Архангельской области, которая должна была стать «лесной провинцией» Германии, было много неясностей. Но в любом варианте Финляндия должна была выйти к Белому морю. На юге также были сомнения – дадут ли немцы провести границу по реке Неве?

В мае 1941 г. началось формирование администрации Восточной Карелии, что вызвало конфликт между правительством и военными. И те, и другие рвались делить шкуру еще неубитого русского медведя.

Поскольку подавляющее большинство населения Восточной Карелии составляли этнические русские, то возникла идея¹⁵ депортировать оттуда 660 тысяч русских, а взамен переселить 385 тысяч финнов.

8 июля 1941 г. командование группы армий «Север» определило, что 4-я танковая группа будет соединением, на которое возлагается наступление на Ленинград. Кроме того, на неё возлагалась обязанность захвата Нарвы с юга и обеспечение на первоначальном этапе своего правого фланга. На 10 июля 1941 г. соединения танковой группы располагались в треугольнике Псков – Славковичи – Остров и продолжали наступать, продвигаясь вперёд: 41-й моторизованный корпус двигался по прямой от Пскова к Луге, преследуя разрозненные части 11-й армии, 56-й моторизованный корпус – на Сольцы через Порхов. Уже на подходе к Луге командование 4-й танковой группы, полагая, что её наступление на Ленинград на правом фланге группы, в направлении Сольцы – Шимск – Новгород не имеет перспектив, в том числе ввиду непроходимой для танков местности, и развернуло 41-й моторизованный корпус на север. 1-я танковая и 6-я танковая дивизии совершили марш протяжённостью 180 км, и уже 14 июля 1941 г. силы 1-го батальона 113-го пехотного полка захватили плацдарм на реке Луге в районе села Ивановское.

8 августа 1941 г. северо-западнее Луги началось наступление 4-й танковой группы вместе с XXI танковым корпусом. 11–14 августа германские войска перерезали железнодорожную линию Кингисепп – Волосово.

21 августа главнокомандующий войсками Северо-западного направления маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов и секретарь Ленинградского городского комитета КПСС А.А. Жданов обратились с воззванием ко всем трудящимся Ленинграда встать на защиту своего города. Откликаясь на этот призыв, десятки тысяч ленинградцев вышли на строительство оборонительных рубежей, которое часто осуществлялось под артиллерийским огнём врага и под разрывами авиационных бомб. В весьма короткие сроки вокруг Ленинграда были построены Красногвардейский, Красносельский, Пушкинский, Петергофский, Колпинский, Мгинский и другие укрепленные районы, сыгравшие большую роль в обороне города. Еще раньше, в начале июля, было сформировано 14 дивизий народного ополчения.

23 августа 1941 г. по приказу Ставки Северный фронт был разделен на два фронта – Карельский и Ленинградский.

28 августа немцы овладели Тосно и Саблино, подразделения 4-й танковой группы соединились с войсками 16-й армии около станции Слудицы, замкнув кольцо вокруг Южной группы войск. Продолжая наступление, германский 1-й армейский корпус 30 августа захватил станцию Мга, перерезав последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград со страной.

8 сентября 424-й пехотный полк (20-й моторизованной дивизии), пройдя через Синявинские высоты, занял город Шлиссельбург и захватил южный берег Ладожского озера до поселка Липки.

Повреждения № 17 на Пролетарской улице Кронштадта. от попадания финского снаряда, прилетевшего с северо-запада. 1941 год

11 сентября германская 1-я танковая дивизия захватила Красное Село. 6-й танковой дивизии, дивизии СС «Полицай» и 269-й пехотной дивизии удалось прорвать оборону левофланговых дивизий советской 8-й армии и правофланговых дивизий 42-й армии и к исходу 12 сентября подойти к западным окраинам Пушкина. К 18 сентября части 42-й армии остановили наступление противника на рубеже Лигово, Пулково. Однако немцам удалось выйти к Финскому заливу у Стрельны и Петергофа. Войска 42-й армии оказались отрезанными от главных сил фронта. Предпринятый 16 сентября контрудар 8-й армии с приморского плацдарма, хотя и не имел территориального успеха, сыграл определенную положительную роль: в критический момент битвы за Ленинград немцы были вынуждены снять часть сил с главного направления на петергофское.

Глава 8. Первый месяц блокады

Наши историки из политкорректности замалчивают тот факт, что корабли Балтийского флота и береговая артиллерия Кронштадта начали вести огонь по наступавшим финским войскам раньше, чем по немцам. К 23 августа 1941 г. финские части подошли к Выборгу. 26 августа финны высадили десант до пехотного батальона южнее Выборга, перерезав приморскую железную дорогу и шоссе. Выборгская группировка советских войск (43-я, 115-я и 123-я стрелковые дивизии) оказалась в окружении и была вынуждена разрозненными группами пробиваться к Койвисто (Приморск).

28 августа финны заняли Выборг и Кивеннапу, 30 августа – Райволу, а 31 августа – Териоки.

1 сентября войска 23-й армии создали оборону на рубеже Карельского укрепленного района, то есть на старой границе.

Финны остановились совсем не потому, что имели приказ маршала Маннергейма не переходить границу 1939 года. Вспомним, что на востоке они заняли всю Карелию и рвались к Архангельску и Вологде. Немецкие пособники перешли к обороне из-за шквала огня морской артиллерии и невозможности сходу преодолеть старую линию железобетонных укреплений КаУРа.

30 августа эсминцы «Строгий» и «Стройный», стоявшие на Неве у Ивановских порогов, впервые открыли огонь по германским войскам, наступавшим в районе станции Поповка Октябрьской железной дороги, Ям-Ижора и Черная Речка (6 км и 11 км южнее железнодорожной станции Колпино).

Замечу, что оба эсминца были еще не достроены, и на позицию на Неве их 20 августа привели буксирами.

Еще раньше, 29 августа, стрельбу по немцам начала артиллерия НИМАПа. Чтобы избежать возможной паники среди населения города при боевых выстрелах орудий крупных калибров с траекторией стрельбы через город, в газете «Ленинградская правда» 22 августа 1941 г. поместили извещение: «Начиная с 22 августа с морского полигона в Ленинграде будет производиться пробная стрельба, о чем доводится до всеобщего сведения. Военный комендант гарнизона города Ленинграда полковник Денисов».

Первые боевые выстрелы по противнику в районе совхоза «Красный бор» на колпинском направлении НИМАП произвел 29 августа из 406-мм пушки с полигонной установки МП-10.

406-мм установка МБ-10 на Ржевке.

(Фото А. Широграда)

Забегая вперед, скажу, что с 29 августа по 31 декабря 1941 г. батареи НИМАПа свыше 170 раз открывали огонь по противнику.

30 августа германская полевая артиллерия потопила на Неве в районе поселка Пелла сторожевые катера М-202 и МО-174. Катера шли из Ленинграда к Ивановским порогам. В том же районе 30 августа был потоплен артиллерией бронекатер БКА-97, шедший из Ленинграда в Шлиссельбург. Таким образом, сообщение по Неве с Ладожским озером было прервано.

Днем 30 августа в Шлиссельбурге разорвалось восемь 203-мм германских снарядов, несколько человек было убито и 60 человек ранено.

31 августа германские войска, развивая наступление на Ленинград с юга, достигли южного берега Невы в районе Ивановских порогов и перерезали Кировскую железную дорогу. В этот день эсминцы «Строгий» и «Стройный», 180-мм железнодорожная батарея и батарея № 1 НИМАПа открыли интенсивный огонь по немцам в районе станции Саперная (Кировской железной дороги, в 6 км северо-западнее Ивановского), Ивановское, Пелла (в 2–3 км северо-восточнее Ивановского) и Поповка.

Первую стрельбу по противнику башенная 305-мм батарея № 311 форта «Красная Горка» открыла в 14 ч 00 мин. 31 августа 1941 г. Стрельба велась по данным наземного корректировочного поста по деревне Ломахи. Всего выпущено 20 снарядов, по 5 на каждый ствол.

1 сентября на форт «Красная Горка» прибыл сам нарком ВМФ Кузнецов в сопровождении командующего Балтийским флотом В.Ф. Трибуца. В их присутствии форт открыл огонь по наступавшим немецким войскам. Стрельба велась из 305-мм орудий дальнобойными снарядами обр. 1928 г. (дальность стрельбы около 40 км).

Любопытно наличие боеприпасов.

На 311-й башенной батарее:

фугасных образца 1911 г. – 575;

фугасных образца 1928 г. – 26;

бронбойных – 237;

израсходовано фугасных обр. 1928 г. – 56.

На открытой 321-й батарее:

фугасных образца 1911 г. – 529;

фугасных образца 1928 г. – 48;

бронбойных – 240;

Израсходовано фугасных обр. 1928 г. – 30.

Таким образом, за два дня стрельбы израсходовано 86 305-мм снарядов. Стрельба велась на предельных дистанциях 205–223 кабельтов, то есть 37,5–40,8 км.

В ходе стрельбы 6 сентября в орудии 2-й башни произошел преждевременный разрыв снаряда. Разорвало ствол, повредило соседние орудия. Осмотр показал, что менять придется оба ствола.

Запасных стволов ни на форту, ни вообще в Кронштадте не оказалось. Однако через день новую пару стволов доставили на барже с завода «Большевик». Прислуга башни с помощью рабочих Кронштадтского морзавода за 6 суток непрерывной работы заменила стволы. 11 сентября башня № 2 была готова к открытию огня.

Самое забавное, что по другим секретным данным разрыв произошел не 6 сентября, а 28 октября при первом же залпе фугасным снарядом обр. 1911 г. японского изготовления с взрывателем МРД-УС.

Но тут я немного забежал вперед, и надо вернуться к боевым действиям первых дней сентября. Вот сухие строки «Хроники Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере»:

«2 сентября. Канонерская лодка “Красное Знамя” вела огонь по скоплению войск противника в районе Ильмово – Мышкино (к востоку от Копенского озера).

180-мм железнодорожная батарея Ижорского укрепленного района вышла на позицию к деревне Воронкино (у Копорского залива) для стрельбы по наступавшему противнику...

Две 305-мм с форта “Красная Горка” и 180-мм железнодорожная батарея вели огонь по противнику в районе Ананьино – Маклаков (к югу от Копорского залива).

Северные Кронштадтские форты “О”, “Р”, “П” вели артиллерийский огонь по противнику в районах: Тайвола, Метсиюля, Тюрисево и Ривиера...

3 сентября. 152-мм и 254-мм стационарные батареи Кронштадта вели артиллерийский огонь по войскам противника в районе Куоккала – Териоки (северный берег Финского залива)»¹⁶.

4 сентября по немцам в районе поселка Ивановское открыл огонь линкор «Марат». Он еще 23 августа занял огневую позицию в ковше у входа в Морской канал.

5 сентября впервые огонь открыли 180-мм орудия крейсера «Киров». Вместе с орудиями форта «Первомайский» («Тотлебен») они подавили батареи финнов в районе Новая Алаккюля (северный берег Финского залива) и вели огонь по скоплению войск в районах Ольховка и Аккаси на северном берегу Финского залива.

В тот же день батареи фортов «Обручев», «Тотлебен», «Северный № 4», а также канонерская лодка «Амгунь» вели артиллерийский огонь по скоплениям пехоты и танков финнов в районах Териоки, Оллила и Куоккала.

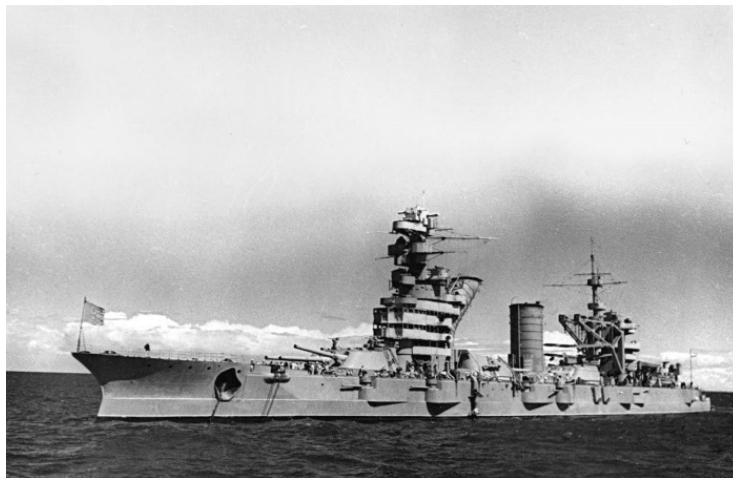
Казарма-дот, построенная для охраны дачи Николая II. Хорошо видны повреждения от попадания 152-мм снаряда, прилетевшего со стороны Кронштадта. (Фото А. Широкограда)

6 октября береговые батареи Кронштадтского сектора береговой обороны и линкор «Октябрьская Революция» вели огонь по скоплению финских мотомеханизированных войск на северном берегу Финского залива в районе Оллила и в районе Ино – Оллила.

7 сентября батареи Кронштадта и крейсер «Киров» вели артиллерийский огонь по финнам на северном берегу Финского залива. Береговые батареи фортов «Первомайский» и «Красноармейский» («Обручев») вели огонь по батареям и живой силе финнов в районах Алаккюля и Ольховка. Финская артиллерия с материка обстреливала остров Биорке; на острове производились оборонительные работы.

В тот же день береговые батареи форта «Красная Горка», линкора «Октябрьская Революция» и крейсера «Киров» вели артиллерийский огонь по скоплениям войск финнов в районах Верхние Рудицы, Заостровье и Дятлицы. А части Ижорского укрепрайона артиллерийским

огнем 19-й железнодорожной батареи отбили наступление противника в районе Елизаветино и выбили немцев из Кипень.

Линкор «Октябрьская Революция» после модернизации

7 сентября на недостроенный крейсер «Петропавловск» поступил приказ: «Открыть огонь по скоплению живой силы и техники противника в Тайцах». Управляющий огнем крейсера старший лейтенант В.А. Сычев совместно с командиром носовой башни лейтенантом В.С. Елагиным нашли этот пункт на огневом планшете и, приняв его центр за центр цели, рассчитали исходные данные для стрельбы с учетом всех поправок. Получив разрешение, комендоры открыли огонь. Крейсер произвел двенадцать залпов из 203-мм пушек на дистанцию 32 км. С учетом корабельного рассеивания стрельба велась на одном прицеле.

Об этом интересном корабле стоит рассказать подробнее.

В сентябре 1939 г. советская сторона предложила Германии продать два строившихся на плаву тяжелых крейсера «Зейдлиц» и «Лютцов», а также техническую документацию для строительства двух кораблей этого типа на отечественных верфях и получить техническую помощь специалистами и оборудованием со стороны судостроительной промышленности Германии.

В рамках соглашения о товарообмене, заключенного СССР и Германией 19 сентября 1939 г., последняя согласилась в счет ответных поставок продовольствия и промышленного сырья продать только один тяжелый крейсер – «Лютцов». Решение о его покупке было принято без согласования с Наркоматом, по личной инициативе Сталина.

В декабре 1939 г. советская делегация, возглавляемая наркомом судостроительной промышленности И. Ф. Тевосяном, выехала в Германию для решения вопросов по закупке крейсера.

«Лютцов» был заложен на верфи «АГ Везер» в Бремене в 1937 г., 1 июля 1939 г. спущен на воду и достраивался на плаву. Ко времени передачи его Советскому Союзу были установлены все башни главного калибра (причем башня № 1 была с орудиями), также были установлены валы, винты, машины, оборудование и остальное вооружение. Для завершения строительства Германия обязалась к маю 1941 г. поставить все недостающие системы и боекомплект и оказать помощь специалистами. Закупочная стоимость крейсера составляла 116 млн рублей по курсу того времени (10 655 млн рейхсмарок).

31 мая 1940 г. германские буксиры привели корпус крейсера в Ленинград. Достройка корабля велась на Балтийском заводе (№ 189). Техническое руководство достройкой осуществлял «штаб особого назначения», как именовали в немецких документах группу германских специалистов, насчитывавшую около ста человек. Возглавлял «штаб» военно-морской атташе Германии в СССР фон Баумбах. В советских же документах этот «штаб» назывался «Бюро Л».

Управление кораблестроения Наркомата ВМФ считало «Лютцов» «весьма ценным приобретением», представляющим большой интерес в отношении конструкции корпуса (целиком сварной, за исключением бортовой брони), системы бронирования (развал бортов), машинно-котельной установки (котлы системы «Вагнер-Дешимаг», 450 °С, 58 кгс/см²) и успокоителей качки системы Фрама.

Особый интерес вызвало вооружение крейсера. Главный калибр был представлен восемью 20,3-см пушками SKC/34 в четырех башнях Drh LC/34. Пушки стреляли 122-кг снарядами с начальной скоростью 925 м/с на дальность 33,5 км.

Универсальная артиллерия была представлена двенадцатью 10,5-см пушками SKC/33 в шести стабилизированных установках LC/31. Кроме того, имелось восемь спаренных 3,7-см и восемь 2-см зенитных автоматов.

Авиационное вооружение включало в себя катапульту и три гидросамолета «Арадо-196».

2 июня 1940 г. от наркома ВМФ Кузнецова поступило предложение назвать крейсер «Выборгом», но принято оно не было, и 2 октября 1940 г. крейсеру было присвоено название «Петропавловск». Причем «Петропавловск» был назван не легким крейсером, как «Киров», и не тяжелым крейсером, как проект 69, а просто крейсером проекта 83.

До конца 1940 г. достройка крейсера шла удовлетворительно, но с января 1941 г. германские власти начали тормозить и срывать поставки оборудования и механизмов. В апреле-мае поставки оживились, но шли некомплектно, что препятствовало завершению работ на отдельных агрегатах и постах. В частности, в отчете по вооружению, выпущенном в мае 1941 г., указывалось: «Вследствие отсутствия стволов и качающихся частей, начиная с мая-месяца, завод может производить работы только побочного характера, не связанные с отсутствующими деталями». К середине июня поставки из Германии практически прекратились.

Из артиллерийского вооружения к июню 1941 г. были поставлены в полном комплекте две башни главного калибра, часть мелкокалиберных зенитных автоматов и боекомплект к ним. Для ввода в строй комплектных башен главного калибра потребовалось вложить очень много труда, и в 1941 г. они были оснащены только вспомогательными механизмами, главные механизмы удалось ввести в строй лишь в 1943 г.

В мае-июне 1941 г. под разными предлогами начали уезжать в Германию немецкие специалисты, руководившие достроечными работами. В июне 1941 г. фон Баумбах последним пересек границу за несколько часов до начала войны.

К июню 1941 г. экипаж крейсера, составленный из командиров и матросов, направленных с других крейсеров, военных училищ и учебных отрядов, был почти полностью укомплектован и изучал и осваивал новую технику. Интенсивно велись судостроительные работы. Были смонтированы все главные и вспомогательные механизмы, главные котлы, турбо- и дизель-генераторы, водоотливные средства с трубопроводами и арматурой, завершилась установка орудий в башне IV главного калибра. Техническая готовность корабля к концу июня достигла 64 %. Пробный выход на ходовые испытания планировался на ноябрь 1941 г.

Но, несмотря на все усилия, крейсер не представлял собой полноценную боевую единицу. Ни на одном боевом посту работы не были закончены, корабль не мог дать ход. Отсутствовала герметизация водонепроницаемых переборок из-за большого количества незаделанных отверстий под несмонтированные трубопроводы и кабели. Не были введены в строй многие системы, в том числе водоотливная и противопожарная. Отсутствовала значительная часть вооружения ПВО и оборудование постов управления стрельбой главного калибра.

С начала июля 1941 г. из состава экипажа крейсера были сформированы две роты морской пехоты, часть моряков получила назначения на другие корабли. На борту «Петропавловска» остались в основном специалисты артиллерийской и электромеханической боевых частей.

Учитывая обстановку, сложившуюся на ленинградском направлении, командование Балтийского флота приняло решение ввести в строй артиллерию главного калибра крейсера и использовать его в обороне города как плавбатарей.

17 июля 1941 г. за подписью начальника Научно-технического комитета ВМФ инженер-контр-адмирала Жукова был издан приказ № 00316, согласно которому оставшаяся часть экипажа и привлеченные рабочие ленинградских заводов приступили к работам по срочному вводу в строй башен главного калибра I и IV и систем механизмов, обеспечивавших их использование. Полученная из Германии часть зенитной артиллерии (одна спаренная 37-мм и восемь 20-мм установок) были установлены ранее, о чем после проведенного отстрела 4 июля был составлен соответствующий акт.

14 августа 1941 г. крейсер «Петропавловск» отбуксировали в Угольную гавань Ленинградского торгового порта. 15 августа на крейсере подняли военно-морской флаг и была начата приемка боезапаса.

К началу боевых действий в качестве плавбатареи экипаж корабля насчитывал 408 человек, в том числе 29 человек командного состава.

После 7 сентября крейсер стрелял почти ежедневно. Для корректировки огня на передний край были посланы корректировочные посты. 9 сентября погибли лейтенанты Д.И. Файн и М.А. Тимко – командиры корректировочных постов «Петропавловска».

11 сентября во время стрельбы на 22-м выстреле взрывом снаряда в канале ствола было выведено из строя левое орудие 20,3-см башни I. По предположению артиллеристов корабля причиной этого стала неисправность баллистического наконечника полубронебойного снаряда, который разламывался при выстреле на части, и их падение неоднократно наблюдалось вблизи корабля. Предполагается, что при выстреле очередного снаряда была повреждена нарезка ствола, и при следующем выстреле осколочно-фугасным снарядом со взрывателем непредохранительного типа произошли его задержка и взрыв.

8 сентября впервые открыл огонь по немцам крейсер «Максим Горький». Он подорвался на mine еще 23 июня и потерял носовую часть по 60-й шпангоут. В Кронштадте ему приварили новую носовую часть, сделанную в Ленинграде на Балтийском заводе. 1 августа крейсер вывели из дока. 24 августа «Максим Горький» был поставлен на огневую позицию у Хлебного маяка Ленинградского торгового порта.

В тот же день, 8 сентября, форт «Тотлебен» вел интенсивный огонь по финнам в районе поселков Александровка и Белоостров. Линкор «Октябрьская Революция», крейсер «Киров» и батареи Ижорского укрепрайона вели артиллерийский огонь по скоплениям войск противника в районе Заостровье – Дятлицы – Готовужа.

9 сентября линкор «Марат» вел огонь по немцам в районе Дятлицы – Тепень. От интенсивного огня разорвалось среднее 305-мм орудие башни № 1.

В тот же день крейсер «Киров» вел огонь по шоссе южнее Дятлицы.

10 сентября линкор «Октябрьская Революция» и крейсер «Киров» вели огонь по немцам в районе Дятлицы и в районе Глухово. Линкор «Марат» и крейсер «Максим Горький» вели огонь по немцам в районе Кипень.

Батареи кронштадтских фортов вели огонь по противнику в районе реки Сестры, поселков Оллила и Александровка. Батареи Кронштадтского укрепленного сектора обстреляли финнов в районе Куоккала – Метсякюля. По советским данным, был уничтожен один танк и сбит аэростат наблюдения противника.

11 сентября линкор «Октябрьская Революция», крейсер «Киров» и батареи северных кронштадтских фортов вели огонь по противнику в районах Михайловская, Ользовка и Белоостров. Финская батарея из района Ино обстреляла сторожевой катер МО-291. Линкор «Марат» и крейсер «Максим Горький» вели огонь по немцам в районе Кипень.

Несколько слов стоит сказать о действиях 130-мм батарей «А» и «Б». Батарея «А» из девяти 130-мм пушек, снятых с крейсера «Аврора», была установлена на 12-километровом фронте от Дудергофа (поселок Можайский) до Киевского шоссе. Первые стрельбы батареи «А» провела 6 сентября. Однако 11 сентября батарея погибла. Вот как описывает это германский историк Пауль Карель: «Целая танковая рота и головная рота бронемашин сумели проникнуть в мертвую зону для огня смотревших на запад морских батарей противника без потерь. Пушки справа и слева от дороги заставил замолчать танковый полувзвод лейтенанта Коха из состава 8-й роты 1-го танкового полка. Под прикрытием огня этих танков саперы сумели проложить себе путь прямо к позиции мощных морских орудий. Прогремели взрывы ручных гранат, вырвались длинные языки пламени из огнеметов. В рукопашной немцы одолели оружейную прислугу. В 11.30 [11 сентября] личный состав штаба 1-й танковой дивизии нечаянно услышал донесение, отправленное лейтенантом Дариусом, командиром 6-й танковой роты, командиру батальона. Слова командира роты вызвали вздох облегчения у начальника оперативного отдела дивизии подполковника Венка, который следовал за батальоном бронемашин в танке связи генерал-майора Крюгера. Венк улыбнулся, услышав сквозь грохот сражения слова романтически настроенного молодого танкиста. Дариус радовал:

– Вижу Санкт-Петербург и море.

Венк все понял. Дариус находился на высоте 167 – на вершине Лысой горы, и Ленинград лежала у его ног – только руку протянуть. Цитадель на последнем рубеже обороны, на “самых главных” царских горах, пала»¹⁷.

Десять установок Б-13 батареи «Б» находились на Пулковских высотах. В ночь на 3 сентября батарея совместно с кораблями Балтийского флота вела огонь по Ям-Ижоре и выпустила 150 снарядов. 7–9 сентября батарея вела огонь по заявкам Балтийского флота и 42-й армии по Ропше, выпустив 600 снарядов. 11 сентября батарея уничтожила 12 танков противника и рассеяла батальон пехоты, после чего подверглась огневому воздействию и налетам немецкой авиации. 13 сентября германские части подошли вплотную к батарее. К 15 сентября из десяти орудий семь были выведены из строя. Однако батарея продолжала сражаться и 19 сентября выбила из района поселка Пулково группу автоматчиков противника. Всего батареей было произведено около 4000 выстрелов¹⁸.

12–15 сентября линкор «Октябрьская Революция» и крейсер «Киров» вели огонь по германским войскам в районах Ропши, Гостилицы и Хабони, а батареи северных кронштадтских фортов – по финнам в районах Старый Белоостров, Куоккала, Александровская и Радуголь.

Морские артиллеристы наносили большие потери как немцам, так и финнам. Германское командование отдало приказ авиации и дальнобойной артиллерии нанести удар по кораблям Балтийского флота.

Днем 4 сентября германская артиллерия впервые открыла огонь по Ленинграду. Артиллерийскому обстрелу подверглись станция Витебская-сортировочная, заводы «Салолин», «Красный Нефтяник» и «Большевик». Немцы вели огонь из района Тосно.

Советский военный историк и участник боев Н.Н. Жданов писал: «Артиллерийский обстрел города не имел ничего общего с вооруженной борьбой противостоящих армий. Это были варварские обстрелы, в результате которых страдало гражданское население, разрушались культурные учреждения, многие из них являлись уникальными, госпитали, больницы, школы, различные детские учреждения»¹⁹.

Увы, Жданов прав только отчасти. Действительно, часть артиллерийских обстрелов Ленинграда имела цель создать в городе хаос и терроризировать его защитников и мирных граждан. Однако подавляющее большинство обстрелов велось по конкретным военным целям. При этом, разумеется, страдали и гражданские объекты. Так, стреляя по дальнобойным пуш-

кам батареи № 778 в Кронштадте, трудно было не попасть в расположенный рядом морской госпиталь. Тут бы спросить с тех, кто ставил там эту батарею.

Всего в сентябре 1941 г. немцы выпустили по Ленинграду 5364 снаряда.

17 сентября немцам удалось прорваться к южному побережью Финского залива в районе Новый Петергоф, Стрельна, Урицк и получить возможность вести оттуда прицельный огонь с небольших дальностей (30–40 кабельтовых – 5,5–7,5 км) по советским кораблям, стрелявшим с открытых огневых позиций внешних рейдов Невской губы и Морского канала. Наши корабли были ограничены в огневом маневрировании и подвергались авиационно-артиллерийским ударам противника. Результат не замедлил сказаться. Уже 14–15 сентября линкор «Марат» получил 5 попаданий снарядов калибра 105–150 мм, взрывами которых повредило палубу и надстройки.

15 сентября был поврежден эсминец «Опытный». Замечу, что это был экспериментальный эсминец, строившийся в Ленинграде с июня 1935 г., но так и не введенный в строй к началу войны. 17 августа 1941 г. «Опытный» был передан флоту во временную эксплуатацию. 15 сентября в его дымовую трубу попал снаряд. Взрывом было разрушено второе котельное отделение и поврежден корпус.

Утром 16 сентября в линкор «Марат» попало девятнадцать 105-мм снарядов, не причинивших кораблю особого вреда. Но в 12 ч 30 мин в него попали две 100-кг авиабомбы. Погибло 15 и было ранено 30 человек команды, вышло из строя 120-мм орудие, внутрь корпуса стала поступать вода. (Любопытно, что германские источники утверждают, что в «Марат» попало не две, а три бомбы калибра 500 кг. На мой взгляд, это неверно, поскольку в этом случае повреждения корабля были бы заметно большими.) Вследствие полученных повреждений в 13 ч 00 мин линкор был вынужден оставить огневую позицию и, продолжая вести огонь по назначенным целям, ушел на Малый Кронштадтский рейд, а оттуда 18 сентября его буксирами поставили к Усть-Рогатке. В последующие дни «Марат» вел огонь от причала.

А теперь предоставляю слово противнику. Из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва главнокомандования вермахта: «18.09.41. В 11.15 весь настильный огонь дивизиона был использован для огневого налета по доту у Кировского моста, где предположительно размещается командование фронта. Дивизион выпустил свои последние 14 снарядов. Разрывы наблюдались в виде дымок. Попадания не могли быть констатированы из-за дымки...»

18 сентября на огневую позицию в Морском канале, ранее занимаемом поврежденным линкором «Марат», пришел линкор «Октябрьская Революция» и приступил к ежедневным обстрелам германских войск.

16–17 сентября в крейсер «Максим Горький», стоявший в Лесной гавани торгового порта Ленинграда, попали шесть 105–150-мм снарядов. Были повреждены механизмы, на корабле возник пожар. «Максиму Горькому» пришлось сменить огневую позицию.

В ночь с 16 на 17 сентября и утром 17-го крейсер «Петропавловск» нанес удары по скоплениям живой силы и танков противника в районе Старое Паново – Урицк, нанеся им, по свидетельству генерал-майора В.А. Родионова, большие потери.

Это были последние залпы «Петропавловска» осенью 1941 г. Всего же за 11 дней сентября орудия крейсера произвели 40 стрельб, выпустив по врагу 676 снарядов главного калибра. 290 из них были выпущены в период с 11 по 17 сентября, то есть в наиболее критические дни напряженных боев, когда враг рвался к Ленинграду через Пулковские высоты. Систематическому обстрелу подвергались живая сила и техника противника в следующих районах: Ям-Ижора, Красное Село, Красный Бор, Старая Мыза, Дудергоф, Лигово, Урицк, Воронья гора, Сосновая Поляна и др. Любопытно отметить, что стрельбы 16–17 сентября по живой силе в районе Урицка велись на прицеле всего 4200 м. В визир был хорошо виден противник, мощный разрыв снаряда у цели и результаты удара.

Германских документов по действиям артиллерии под Ленинградом до нашего времени дошло крайне мало. Потопление «Петропавловска» в этом плане представляет одно из исключений. Прочитав выдержки из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва главнокомандования вермахта:

«16.09.41. По приказу 802-го полка 1-я батарея вводится в действие в районе Красное Село. Задача: борьба с тяжелыми крейсерами, находящимися в ленинградском порту и Финском заливе. Эти корабли своими дальнобойными и крупнокалиберными орудиями (приблизительно 300-мм) днем и ночью беспокоят весь участок фронта. Вывод их из строя действием настильного огня тяжелой артиллерии должен принести облегчение 38-му армейскому корпусу. В 13.30 дивизион докладывает о готовности к открытию огня. Много времени отнимают топографическая подготовка, работы по оборудованию, так же как и прокладка большой сети управления, необходимые для стрельбы по морским целям. Стрельбу предполагалось вести так: с трех пунктов АИР [Артиллерийской инструментальной разведки. – А.Ш.] должны засекались цели и наши разрывы. На КП дивизиона производится сводная корректировка. Пункт АИР «Черный» находится на высоте 160 (6 км юго-восточнее Красного Села), пункт АИР «Красный» на высоте 130 (северо-западнее Красного Села), пункт АИР «Белый», являющийся одновременно КП дивизиона, на высоте 1 км восточнее Куттузи. Вся проводная связь дублируется по радио. С КП дивизиона прекрасно видны как г. Ленинград, так и ленинградский большой порт и далее до Петергофа.

Прекрасно можно наблюдать наступление 38-го армейского корпуса и массированные действия артиллерии. Остальные подразделения дивизиона остаются у Келози...

17.09.41. Утром прекрасная видимость. Опознается тяжелый крейсер, по-видимому «Марат». Пункты АИР «Черный» и «Красный» не могут определить цель, так как дым горящих деревьев препятствует наблюдению. После того как корабль производит несколько выстрелов из башенного орудия, его положение полностью устанавливается, и по нему выпускается 5 снарядов. Поднявшиеся высокие фонтаны воды показывают, что, несмотря на максимальное использование дальности стрельбы наших орудий, корабль не может быть нами поражен. Время стрельбы 7.56–8.15.

Крейсер до вечера не стрелял. 11.41–12.37 дивизион обстреливал большое судно в порту (видимо, строящееся судно). Отмечено одно попадание, выпущено 11 снарядов. Огонь по судну был открыт по приказу свыше. Перед вечером 18.05–18.14 был обстрелян корабль у форта восточное Петергофа, ведший сильный огонь. После того как снаряды разорвались вблизи, корабль прекратил огонь и зигзагообразным курсом на полном ходу ушел со своего места.

После обеда лейтенант Виганд с группой радистов был направлен в Старо-Паново в качестве передового наблюдателя. Прямым попаданием лейтенант Виганд был тяжело контужен, командир группы радистов убит и один солдат ранен.

Итак, в «Петропавловск» попало двенадцать 210-мм снарядов. Был пробит корпус в подводной части, возник пожар, затопило все помещения, расположенные ниже ватерлинии, вышла из строя артиллерия. С большим креном крейсер сел на грунт. Было убито 10 и ранено свыше 20 человек. Крейсер лег на грунт с креном 3°, уйдя в ил на полтора метра. Однако уже 20 ноября 1941 г. начались подготовительные работы по подъему «Петропавловска».

21–23 сентября германская авиация проводила массированные налеты на крупные корабли, стоявшие на огневых позициях, рейдах и в гаванях Кронштадта. Днем 21 сентября было пять массированных налетов и один ночной. Между налетами наносили удары одиночные бомбардировщики.

21 сентября в 11 ч 20 мин со стороны южного берега Финского залива показались сорок пикирующих бомбардировщиков Ю-87. В ходе их атаки был потоплен эсминец «Стерегущий», стоявший на Восточном рейде Кронштадта. Одна бомба попала в район кормового зенитного

поста, несколько бомб взорвалось у борта и разрушило его в носовой и средних частях корабля. Была разрушена корма и правая машина. Эсминец через 15 минут после первых попаданий лег на борт и затонул на глубине 5,5 м. В течение октября 1941 г. водолазы смогли демонтировать одно 130-мм орудие и якорное устройство, необходимые для восстановления эсминца «Страшный». В июне 1944 г. «Стерегающий» был поднят и 20 июля введен в сухой док.

Кроме того, германским пикировщикам удалось потопить несколько вспомогательных судов. Среди них были транспорт № 544 «Мария» (вместимостью 1484 брт), транспорт № 506 «Барта» (2324 брт), гидрографическое судно «Базис», плавучий кран СТР-10 и три баржи.

На линкор «Октябрьская Революция» 21 октября было сброшено 19 авиабомб, из которых три взорвались на баке в районе шпиль и сильно повредили носовую часть. Линкор ушел на Малый Кронштадтский рейд, где продолжал вести огонь по противнику. 23 октября на корабль было сброшено 43 авиабомбы, большинство из которых упало на расстоянии 10–42 м. Одна 250-кг бомба попала в крышу третьей башни главного калибра и пробила ее, другая 100-кг бомба пробила палубу над десятым казематом. В результате погибли три и были ранены 17 человек, вышли из строя левое орудие, башня главного калибра № 3 и ее дальномер. Линкор перешел к Кронштадту и оттуда продолжал вести огонь по противнику.

Чтобы более не возвращаться к «Октябрьской Революции», скажу, что 8–10 октября линкор, стоявший в Военной гавани Кронштадта, получил попадание шести снарядов, а 18 октября – еще одного снаряда. Командование сочло пребывание корабля в Кронштадте опасным, и «Октябрьскую Революцию» перевели в Ленинград к стенке Балтийского завода. Всего в 1941 г. линкор выпустил по противнику 864 снаряда.

В ходе налета 23 сентября еще больше пострадал линкор «Марат». Для поражения советских линкоров командование люфтваффе еще 16 сентября запросило бронебойные бомбы РС-1000 весом в тонну, снаряженные 160 кг тротила. Два пикировщика Ю-87, пилотируемых гаптоманом Штееном и обер-лейтенантом Рубелем, сбросили по одной такой бомбе на «Марат». Но, по одним данным, бомба Штеена упала в воду у левого борта линкора, а по другим – в «Марат» попали обе бомбы. Так или иначе, но в результате взрыва сдетонировал боезапас первой башни главного калибра, и вся носовая часть корабля по вторую башню была полностью разрушена. Погиб командир корабля и еще 325 человек команды. Приняв около 10 тыс. тонн воды, «Марат» лег на грунт на глубине 11 м. Команда покинула корабль, за исключением расчетов 76-мм орудий, расположенных на крыше четвертой башни главного калибра.

На следующий день, 24 сентября, началось постепенное осушение линкора с последующим ремонтом для восстановления его в качестве несамоходной плавучей артиллерийской батареи.

31 октября впервые был открыт огонь из 305-мм орудий третьей и четвертой башен, и затем до конца года корабль вел огонь почти ежедневно. 12 декабря в него попало три 203-мм снаряда, два из которых пробили верхнюю палубу и разорвались во внутренних помещениях. Для защиты от бомб и снарядов была проведена укладка на палубу гранитных плит с набережной. Однако 28 декабря в корабль попало еще два 280-мм снаряда, один из которых угодил в зарядный погреб башни № 3, но, к счастью, не разорвался. Вскоре вся верхняя палуба была покрыта гранитными плитами, и теперь попадания даже 305-мм снарядов не причиняли существенного вреда.

Всего в 1941 г. первая башня главного калибра линкора «Марат» выпустила 71 снаряд, вторая – 271, третья – 542, четвертая – 355 снарядов.

Кроме того, 23 сентября германская авиация потопила подводную лодку М-47, лидер «Минск» и повредила стоявшие в Кронштадте подводные лодки Щ-305, П-3, тральщик № 41, а также транспорт № 583 «Майя».

Следует отметить, что зенитная артиллерия кораблей и фортов Кронштадта действовала 23 сентября из рук вон плохо. То же можно сказать и об истребителях флота.

По официальным данным «сбито 14 самолетов противника, 6 наших самолетов не вернулись на свои аэродромы»²⁰.

Немцы утверждают, что 23 сентября у них был сбит только один самолет Ю-87, пилотируемый уже знакомым нам гауптманом Штееном. Но тут немцы явно лукавят, а наши «знатоки» с удовольствием смакуют эту липу. На самом деле авиация Балтийского флота, помимо прикрытия кораблей в районе Кронштадта, прикрывала корабли и базу в Новой Ладоге, а также штурмовала германские позиции в районе Стрельны. И в ходе всех этих операций авиация Балтийского флота потеряла шесть машин. Нетрудно сообразить, что германская авиация в этот день на всем Ленинградском фронте потеряла не только один пикировщик.

Налеты люфтваффе 21–23 сентября не привели к сколько-нибудь заметному уменьшению огня морской артиллерии. Так, уже 24 сентября линкор «Октябрьская Революция», канонерские лодки «Кама», «Волга», «Амгунь» и «Москва» и Южный форт № 1 обстреливали артиллерийским огнем войска противника в районе Воронина. Огнем батарей Ижорского укрепрайона была рассеяна автоколонна противника в районе Глобич. Стационарные батареи Кронштадта вели огонь по финским войскам в районе Куоккалы и Оллилы.

И все это, несмотря на три налета люфтваффе, проведенных 24 сентября на корабли и Кронштадт. В воздушных боях было сбито пять Ю-88, один Ю-87, один Ю-86. Наши потери: один И-15, один И-16 и один МБР-2. Самолеты противника сбили на форту «Северный № 4» аэростат наблюдения²¹.

Замечу, что 24 сентября на аэродром Бычье Поле, расположенный на западе Котлина, перелетели истребители И-16 и И-153 71-го истребительного полка Краснознаменного Балтийского флота. А 25 сентября в Кронштадт прибыл 6-й зенитный артиллерийский полк.

Итак, в ходе трех налетов 24 сентября ни один наш корабль не был потоплен или поврежден. Зато германская артиллерия в этот день потопила в Ленинградском порту буксир «Валиант» и серьезно повредила учебное судно «Комсомолец».

Из журнала 768-го артдивизиона: «24.9.41. Подготовительная разведка для действий против Кронштадта приводит к устройству передового наблюдательного пункта в Знаменке, где с башни царского дворца открывается прекрасный обзор всего побережья».

Тут немцы ошиблись: дворец в Знаменке принадлежал не царю, а двум великим князьям – Николаю Николаевичу Старшему (отцу) и Николаю Николаевичу Младшему (сыну). Возможно, кто-то из читателей сочтет это замечание мелочью. Но, смею заверить, все мелочи и детали в этой книге даются с умыслом, дабы показать реалии войны.

Сорок лет большевики скрывали факт разрушения советской артиллерией дворцов, соборов и иных исторических памятников в окрестностях Ленинграда. Сейчас на этом спекулируют злопыхатели-антисоветчики. На мой взгляд, в подавляющем большинстве случаев действия наших артиллеристов были оправданы, и стенать тут попросту нечего. Нельзя же было терпеть вражеский наблюдательный пункт в великокняжеском дворце в Знаменке и допускать дальнейшее разрушение Питера германскими пушками. За все разрушения в ходе боевых действий в районе Ленинграда несут ответственность исключительно немцы и финны, независимо от того, чьи бомбы или снаряды уничтожили тот или иной исторический памятник.

Немцы и финны 22 июня без объявления войны напали на Советский Союз – они и должны ответить за все последствия этого нападения. Это – азы юриспруденции. Так, если бандиты совершили ограбление ресторана, а полиция вступила с ними в перестрелку, то за разбитую в ходе нее посуду отвечают бандиты, а не полиция, независимо от того, кто и сколько выпустил пулю.

Утром 26 сентября двенадцать бомбардировщиков Ю-88 бомбили Кронштадт. Потерь и повреждений на кораблях не было. Зато германские артиллеристы в тот день в Кронштадте повредили подводную лодку Щ-318 и буксир ВР-22, три баржи (№ 1109, 1110, 4029) были потоплены.

Ни налеты авиации, ни артобстрелы не мешали кораблям и фортам 26 сентября вести интенсивный огонь по противнику. Батареи Южного форта № 1, линкор «Октябрьская Революция», канонерки «Кама», «Амгунь» и «Москва» вели артиллерийский огонь по немцам в районах: Аудия, Низино, Костино, Сашино. Канонерки «Красное Знамя», «Сестрорецк» и «Зея» обстреливали противника в районах Алекснадровки и Слущка (Павловска).

Позже линкор «Октябрьская Революция», эсминцы «Стройный» и «Строгий», канонерки «Зея», «Москва», «Волга» и батареи НИМАПа и кронштадтских фортов вели огонь по противнику в районах: Сашино, Костино, Аудия и Троицкое. Эсминцы «Стойкий» и «Стройный» с канонерской лодкой «Красное Знамя» обстреливали германские войска в районах Ям-Ижора и колхоза Рахия. Батареи форта «П» обстреливали финнов в районе Белоострова.

27 сентября над Кронштадтом появились 42 бомбардировщика Ю-87 и Ю-88. Главными целями налета были линкор «Октябрьская Революция» и крейсер «Максим Горький». Десять бомб взорвалось у борта линкора. Одна 500-кг бомба, пробив мостик фок-мачты, взорвалась у второй башни. Взрывом нарушило общее крепление брони башни, пробило верхнюю палубу и барбет, броневая средняя палуба была деформирована, разрушена переборка. Погиб один и ранено шесть человек. «Максим Горький» повреждений не получил. От прямых попаданий двух бомб получила повреждения канонерская лодка «Пионер». При уклонении от бомб канонерка села на мель.

В тот же день, 27 сентября, германский снаряд попал в носовую часть сетевого заградителя «Онега», перевозившего войска 8-й армии из Ораниенбаума в Ленинград. Взрывом повреждены корпус и надстройки.

Сторожевой корабль «Буря» стоял в Купеческой гавани Кронштадта. Между 11 и 12 часами 27 сентября у его борта на расстоянии 3–5 м разорвались два крупнокалиберных снаряда. СКР получил до 200 малых пробоин от осколков и сел на грунт. Любопытно, что в затопленную «Бурю» 1 октября попал еще один снаряд.

27 сентября вновь, как и в предшествующие дни, авиационные и артиллерийские налеты немцев не сказались на интенсивности стрельбы наших кораблей и фортов.

Согласно мнению большинства отечественных военных историков, к 27 сентября 1941 г. положение под Ленинградом стабилизировалось. Кто же остановил немцев? До 1991 г. официально считали, что врага остановили нестигаемые ленинградские коммунисты. По сему поводу мне еще в школьные годы приходили в голову крамольные мысли: а что, в Киеве были коммунисты второго сорта, а в Минске – вообще некондиция?

После «перестройки» тезис о «железных партийцах» был снят, зато я несколько раз слышал по центральному ТВ утверждение, что немцев-де остановила... ленинградская интеллигенция. Мол, там была самая-самая рафинированная «первого сорта» интеллигенция. И вот она-то...

Есть и более обоснованная версия: мол, послали в Ленинград гениального Жукова, и он спас город от немцев. И опять автоматически лезут в голову крамольные вопросы, а почему сей гений не поехал спасать Киев и Минск, а в 1942–1943 гг. уложил сотни тысяч солдат под Ржевом и Вязьмой в ходе операции «Марс»?

Остановили же врага под Ленинградом «всем миром». Это были и солдаты, и ополченцы, и рабочие питерских заводов, выпускавших танки КВ и казематные установки Л-17, и даже простые питерские бабы, строившие укрепления и противотанковые препятствия. Но решающую роль под Ленинградом сыграли дальнобойные пушки кораблей и фортов – то, чего не было под Киевом и Минском. И тут дело не только в потерях врага от артиллерийского огня. Не менее важно было и психологическое действие на свою и чужую пехоту.

Чего греха таить, сколько раз в 1941–1942 гг. отступление вызывали паникеры, кричавшие, что все соседи на флангах и в тылу бежали и вот-вот замкнется кольцо окружения. Надо ли говорить, что пехотинец чувствует себя совсем по-другому, когда над его головой несутся

на врага огромные снаряды, а оглянувшись назад, он видит грозные форты и корабли, изрыгающие огонь.

Всего в сентябре 1941 г. артиллерия Балтийского флота выпустила по врагу 25,4 тыс. снарядов, 23 процента составили снаряды крупных калибров. Дальнобойность, высокая меткость, скорострельность, большое разрушительное действие снарядов береговой и корабельной артиллерии обусловили высокую эффективность ее огня по сухопутным целям. Немаловажное значение имело и такое преимущество, как возможность обстрела на 360°, что в предельно короткие сроки обеспечивало широкий маневр траекториями. Это, в свою очередь, способствовало массированию огня в нужном направлении и по наиболее важным целям.

Советский военный историк Ю.Г. Перечнев писал: «Недостаточное количество полевой артиллерии, большое превосходство противника в силах, его стремление в кратчайший срок овладеть нашими базами заставили привлекать с этой целью даже артиллерию калибра 356–180 мм. Однако условия обстановки не могут служить оправданием неграмотного использования береговой артиллерии.

Так, для артиллерийской поддержки правого фланга 8-й армии, оборонявшейся на Лужском рубеже, из морской артиллерии были созданы 3 группы. В первую входили 3 железнодорожные батареи калибра 356–180 мм (11 орудий), во вторую – канонерские лодки и бронекатера, в третью – 7 стационарных батарей в составе 26 орудий калибра 152–45 мм. Вызов огня осуществлялся начальником артиллерии 8-й армии, а в некоторых случаях начальниками артиллерии 118-й и 191-й дивизий. Во многих случаях от командиров соединений армии поступали требования вести огонь по площади и ставились не свойственные морской артиллерии задачи. В своих заявках на открытие огня они не указывали характер целей и не обеспечивали стреляющие батареи и корабли корректировкой. Это привело к тому, что 70 процентов стрельб было проведено по площади.

Глубокий анализ недостатков боевого применения береговой и корабельной артиллерии дан в ряде отчетных документов 1941 г. В отчете начальник артиллерии КБФ вице-адмирал И.И. Грен отмечал, что морской артиллерии ставились задачи стрельбы по площади. Площадь обстрела назначалась слишком большой, из расчета 1000 снарядов на 7 кв. км. Подавлению огневых средств в глубине обороны противника должного внимания не уделялось. Очень часто береговая и корабельная артиллерия использовалась для нанесения ударов по пунктам предполагаемого нахождения войск и огневых точек противника.

Получая заявки от армейского командования, командиры артиллерийских дивизионов и батарей не знали значения выполняемой задачи, что исключало возможность правильной ориентировки наблюдательных постов на разведку и корректировку огня. Многие стрельбы проводились без корректировки, результаты стрельб не были известны.

Часто береговым батареям ставились неконкретные задачи, артиллерийская разведка была слабой, единые планы артиллерийской поддержки морскими и армейскими командирами не разрабатывались. Неправильное распределение целей между полевой и морской артиллерией привело к тому, что береговая использовалась с большим перенапряжением. В некоторые дни каждое орудие выпускало 125–300 снарядов при живучести стволов 500–600 выстрелов. Несоблюдение основного принципа – соразмерности мощности береговой артиллерии с объектом цели – отрицательно сказывалось на ее действиях при артиллерийской поддержке сухопутных войск.

Могут возникнуть и возражения, что, когда решалась судьба Ленинграда или Севастополя, а армейской артиллерии, особенно крупного калибра, не хватало, командование вынуждено было максимально использовать морскую артиллерию. Внешне подобные утверждения выглядят правильно. Но беда в том, что мощные орудия кораблей и береговых батарей при весе снаряда от 15,6 кг (калибра 100 мм) до 748 кг (калибра 356 мм) и соответственно дальности стрельбы от 21,5 км до 44,6 км использовались для стрельбы по площадям и на дальностях,

как правило, не более 10–12 км, и это при большом недостатке артиллерии крупного калибра в соединениях сухопутных войск. Ведение огня по площади было следствием ограниченной глубины наблюдения с корректировочных постов, отсутствия корректировочной авиации»²².

К сказанному Перечневым я бы хотел добавить, что износ каналов орудий под Ленинградом зависел не столько от числа выпущенных снарядов, сколько от умственных способностей артиллерийских начальников. Ведь огонь зачастую велся на дистанциях 4–5 км и, «как правило, не более 10–12 км». Так почему нельзя палить на половинных зарядах, благо, «Таблицы стрельбы» для половинных зарядов были для всех орудий калибра 130–406 мм. В этом случае наземные цели поражаются более эффективно за счет увеличения угла падения снарядов, а главное, износ канала ствола уменьшается во много раз. Увы, у меня нет данных выбора зарядов при стрельбе морских орудий ни под Ленинградом, ни в ином месте. Очень сомневаюсь, что они вообще есть где-либо.

Но, повторяю, несмотря на все недостатки, наши морские артиллеристы сумели прикрыть Ленинград и отразить сентябрьский штурм.

Глава 9. Время больших пушек

К концу сентября 1941 г. линия фронта блокированных в Ленинграде советских войск стабилизировалась на несколько месяцев. Северная граница фронта проходила в 22–24 км от города (Сестрорецкое направление), а наибольшее ее удаление доходило до 60 км. Вся ширина полосы обороны 23-й армии равнялась 70 км.

Части Приморской оперативной группы удерживали изолированный от главных сил осажденного города плацдарм на южном берегу Финского залива протяжением по линии соприкосновения с противником 70 км. Наибольшая глубина плацдарма составляла 22–24 км. Побережье, кроме этого, оборонялось артиллерией Ижорского укрепленного сектора КБФ. Плацдарм от войск фронта, оборонявших город, отделялся полосой в 22–25 км (Петергоф – Урицк), занятой войсками противника.

Юго-западные и южные подступы к городу (всего по фронту около 21–22 км) обороняла 42-я армия. Наименьшее удаление переднего края от юго-западной окраины города (Урицк – Ленинград) равнялось 6–7 км, а на южном направлении (Пулково – Ленинград) – 12–15 км.

Юго-восточные подступы к городу оборонялись частями 55-й армии. Протяженность переднего края обороны составляла около 27 км, а удаление переднего края от юго-восточной окраины города на пушкинском направлении – 16–18 км, а вдоль Невы – до 27–30 км.

По правому берегу Невы до Ладожского озера занимала оборону 8-я армия. Протяженность линии фронта армии составляла примерно 34–36 км, удаление от юго-восточной и восточной окраины города – 28–32 км.

Вне осажденного города располагалась 54-я армия, не имевшая сухопутной границы с Ленинградом, она непосредственно примыкала к Волховскому фронту.

Действия 54-й армии и ее артиллерии выходят за рамки темы, и я не буду далее упоминать о ней и включать ее в статистические данные по артиллерии Ленинградского фронта.

«После неудачных попыток захватить Ленинград штурмом немецко-фашистские войска, понеся большие потери, осенью 1941 г. перешли к его планомерной осаде. Линия фронта пролегла в непосредственной близости к городу, поэтому противник простреливал его насквозь. Используя тактически выгодное положение своих войск, командование вермахта пыталось систематически артиллерийскими обстрелами деморализовать защитников города и сровнять “Ленинград с землей, а Кронштадт – с водой”»²³.

Подобные утверждения стали классикой, и они кочуют из одного издания в другое как в советское время, так и при «демократии».

На самом же деле элементарный расчет на уровне 8-го класса школы показывает, что сравнить Ленинград с землей артиллерийским огнем было физически нельзя, даже если бы немцы собрали там всю свою артиллерию, состоявшую на вооружении к концу 1941 г.

Подробный анализ возможностей вермахта и советских войск выходит за рамки книги, и я ограничусь перечислением наиболее распространенных в исторической литературе вариантов.

Так, многие зарубежные и отечественные авторы считают, что немцы вместе с финнами могли замкнуть второе кольцо блокады, захватив южное побережье Ладожского озера. После этого Ленинград должен был пасть в течение одного – двух месяцев. Но это теория, а фактически финское командование не желало вести крупные наступательные операции, предпочитая, чтобы вермахт «таскал для них каштаны из огня». Осенью 1941 г. резко усилилось дезертирство из финской армии. В финском тылу действовали отряды дезертиров и противников режима.

Не будем забывать и о контрударах Красной армии зимой 1941/1942 г. – под Москвой, Керчью, Харьковом и т. д.

Наконец, сейчас сложно просчитать ответные меры Красной армии в случае большого наступления немцев южнее Ладожского озера.

Между прочим, наше командование разработало план деблокирования Ленинграда с севера. В марте 1942 г. командующий Карельским фронтом В.А. Фролов и командующий 7-й армией Ф.Д. Гореленко были вызваны в Ставку. Сталин дал им указание продумать план наступления на юго-запад от станции Масельская с конечной задачей выйти в тыл финским войскам на Карельском перешейке и прорвать с севера блокаду Ленинграда силами 32-й, 7-й Отдельной и 23-й армий Ленинградского фронта.

Однако неудачный исход боев за Харьков и последующее германское наступление на Сталинград сорвали эту операцию Карельского фронта.

На мой взгляд, командование вермахта зимой 1941/1942 г. само не знало, что делать с Ленинградом, и надеялось, что проблема решится летом 1942 г. в ходе наступления на юге.

Между тем немцы, не снимая ни одного орудия с других участков Восточного фронта, могли собрать под Ленинградом 500–1000 орудий большой и особой мощности. Речь идет о железнодорожных установках, мортирах и гаубицах большого калибра, а также береговых и корабельных пушках. Последние немцы могли снять с береговых батарей Германии, Дании и других стран, которые вряд ли могли подвергнуться атакам британского флота в 1941–1942 гг., а также орудия калибра 150–380 мм с захваченных французских, голландских, датских, норвежских линкоров, крейсеров и броненосцев береговой обороны. Кроме того, по внутренним водным путям Финляндии немцы могли доставить на Ладогу не только торпедные катера и артиллерийские баржи, но и малые миноносцы, канонерские лодки и т. д., вплоть до трофейных броненосцев береговой обороны.

Повторяю, никакой артиллерийский огонь немцев не мог «сравнять Ленинград с землей», но большое количество артиллерии большой и особой мощности при грамотном им управлении могло вывести из строя аэродромы, железнодорожные станции, энергетические объекты, уничтожить склады продовольствия и т. д.

Сосредоточенный огонь артиллерии по местам выгрузки боеприпасов и продовольствия, доставляемых по Ладоге, в сочетании с ударами германской озерной флотилии мог парализовать коммуникации Ленинградского фронта. Равно как постоянный и интенсивный обстрел Ленинградского Торгового порта, пристаней в Кронштадте и Орешка мог прервать коммуникации между Ленинградом, Котлиным и Ораниенбаумским пятячком.

Германское командование в очередной раз недооценило противника. Впрочем, я уверен, что если бы германский генштаб вовремя сумел точно оценить военный потенциал СССР, волю советского народа и его вождя, Гитлер вообще не рискнул бы начать войну.

Тем не менее германское командование, располагая ограниченными силами, продолжало регулярные обстрелы Ленинграда.

Первый обстрел жилых районов Ленинграда состоялся 4 сентября. В доме № 10 на Роменской улице было ранено 15 человек, в том числе пятеро детей. Убито 11 человек, из которых трое детей. На проспекте Обуховской Обороны снаряд пробил стену школы, в которой размещалась участковая команда МПВО. Убито 8 человек. Обстрелу подверглись станция Витебская-Сортировочная, заводы «Салолин», «Красный нефтяник», «Большевик».

С этого дня обстрел города продолжался почти ежедневно.

16 сентября только на территории Кировского завода разорвалось 34 снаряда. Ну а на следующий день, 17 сентября, город находился под обстрелом 18 ч 33 мин. Вражеская артиллерия выпустила по нему 331 снаряд.

18 сентября артиллерия противника выпустила по Ленинграду 193 снаряда. Обстрелу подверглись не только районы, прилегающие к линии фронта, но и центр города, где никаких военных объектов не было. Шесть снарядов разорвались на Марсовом поле, три – на Невском проспекте, у домов № 20, 21, 22. Два снаряда разорвались вблизи Театра оперы и балета им.

С.М. Кирова. Обстрелу подвергся педагогический институт им. А.И. Герцена. Фугасная бомба попала в хирургический госпиталь на ул. Розенштейна, 28/30.

1 октября 1941 г. от артиллерийского огня противника в порту Ораниенбаума затонули транспорт «Базис» и учебный крейсер «Аврора». К этому времени на крейсере оставались одна 130-мм пушка Б-13, одна 76,2-мм и одна 45-мм универсальные пушки. Тем не менее в сентябре крейсер выпустил по врагу 138 снарядов калибра 130 мм.

1 октября линкор «Октябрьская Революция», Южный форт № 1, эсминцы «Стойкий» и «Свирепый» вели огонь по войскам противника в районах Нового Петергофа и Красного Села. Старший лейтенант М.К. Крылов в своем донесении в штаб КБФ сообщал: «Доношу, что в результате артобстрела 1.10.41 от прямых попаданий затонул транспорт “Базис” у северного конца восточного мола, а Краснознаменный крейсер “Аврора” получил две подводные пробоины и имеет шесть надводных. “Аврора” сидит на грунте с креном на правый борт 3°. Пара и света нет. Личный состав находится на корабле.

Командир Краснознаменного крейсера “Аврора” старший лейтенант Крылов».

В тот же день, 1 октября, германский снаряд попал в эсминец «Свирепый», стоявший в Морском канале в Ленинграде. Взрывом были выведены из строя 130-мм пушка Б-13 и ряд механизмов, 6 человек убито и трое ранены.

2 октября немцы интенсивно обстреливали Ленинград, Кронштадт и Ораниенбаум. В Кронштадте получили повреждения эсминец «Славный» и подводная лодка Щ-318. Несколько снарядов попало в корпуса Морского завода и нефтебак военной гавани, возникли пожары.

Сильный артобстрел Ленинграда и Кронштадта продолжался и в последующие дни. 3–4 октября тяжелые повреждения от германских снарядов получили эсминцы «Опытный», «Свирепый» и «Стойкий».

2 октября линкор «Октябрьская Революция», канонерки «Волга», «Москва» и «Амгунь», а также северные кронштадтские форты № 2 и № 4 обстреливали войска противника в районах: Новый Петергоф, Александровка, Низино, Костино и Сашино.

Два эсминца и канонерская лодка на Неве и 180-мм железнодорожные и стационарные батареи НИМАПа вели огонь по войскам противника в районах Красный Бор, Шлиссельбург и по бронепоезду противника на станции Поповка.

3 октября линкор «Октябрьская Революция», канонерка «Москва», эсминцы «Сметливый» и «Опытный», стационарные батареи НИМАПа и кронштадтские форты – Южный № 1 и Северные – № 2 и № 4 – вели артиллерийский огонь по противнику в районах: Новый Петергоф, Горелово и поселок Володарский.

Эсминец «Строитель», стационарные батареи НИМАПа и 180-мм железнодорожные батареи вели огонь по войскам противника в районах Красного Бора, Ям-Ижоры и Отрадного. Батареи Невского сектора вели огонь по противнику в районе Отрадного.

5 октября в Ораниенбауме от артиллерийского огня затонул на мелководье транспорт № 516 «Астра» вместимостью 5900 брт. (Подняли его только в мае 1944 г.) Транспорт № 528 «Полярис» 760 брт вместимостью лег кормой на грунт. Стоявший там же транспорт № 507 «Отто Шмидт» (вместимостью 3549 брт) получил тяжелые повреждения.

6 октября линкор «Октябрьская Революция», эсминцы «Свирепый» и «Славный», форты «П» и «К» и номерные Северные вели артиллерийский огонь по войскам противника в районах южнее Нового Петергофа, Сашино, Луизино и Кузнецов.

7 октября германская артиллерия потопила в Кронштадте блокшив № 1 – бывший монитор «Смерч», построенный в 1863–1865 гг. Летом 1942 г. он был поднят.

8–10 октября линкор «Октябрьская Революция», стоявший в Военной гавани Кронштадта, получил прямое попадание шести снарядов, в том числе во вторую башню.

11 октября линкор «Октябрьская Революция», эсминцы «Славный» и «Свирепый» вели артиллерийский огонь по противнику в районе Порожков. Лидер «Ленинград», эсминец

«Стройный», стационарные батареи НИМАПа и Невского укрепленного сектора вели огонь по противнику в районах Горелово – Николаевка.

Эсминцы «Славный» и «Свирепый» и две 100-мм кронштадтские стационарные батареи вели огонь по артиллерийским батареям противника и районах Нового Петергофа и Симоно-гонта.

Лидер «Ленинград» и одна Кронштадтская батарея вели огонь по противнику в районах: Александровка, Горелово и Финское Койрово. Наблюдались взрывы и пожары.

1–9 октября 1941 г. 8-я и 42-я армии попытались заблокировать с суши Ораниенбаумский пятачок и выбить немцев из района Петергофа. В ходе этой операции Балтийский флот высадил два тактических десанта. В ночь на 10 октября в районе Петергофа были высажены 492 человека из сборного отряда моряков, а в районе Стрельны – батальон (500 человек) 20-й стрелковой дивизии НКВД. В ночь на 8 октября в Стрельне был высажен еще один батальон. Однако на сей раз удалось высадить лишь 250 человек из 420.

Высадка десантов производилась с бронекатеров, сторожевых катеров и гребных шлюпок Ленинградской ВМБ. Артиллерийскую поддержку осуществляли линкор «Октябрьская Революция», эсминцы «Сметливый» и «Свирепый», канонерки «Кама», «Амгунь» и «Москва», береговые и железнодорожные батареи, которые произвели более 2500 выстрелов по заранее намеченным целям и по дорогам на подходах к месту высадки.

Наступление 8-й и 42-й армий закончилось неудачей, а десантники были полностью уничтожены или пленены.

15 октября с дистанции 85 кабельтовых линкор «Октябрьская Революция» уничтожил 280-мм германскую батарею, стрелявшую по Ленинграду. По сообщению с наземного наблюдательного пункта № 11 в батарею попало три 305-мм снаряда.

18 октября в линкор «Октябрьская Революция» попал один снаряд. Командование флота решило, что далее линкору оставаться в Кронштадте опасно.

Последнюю стрельбу из Кронштадта линкор провел 22 октября по району поселка Знаменка. И в тот же вечер, в 20 ч 55 мин, линкор под покровом темной безлунной ночи в сопровождении двух буксиров вышел из Кронштадта и своим ходом по Морскому каналу направился в Ленинград. В 6 ч 30 мин 23 октября корабль занял новую огневую позицию у Горного института. Всего в октябре 1941 г. линкор выпустил по врагу 257–305-мм и 133–120-мм снарядов.

Таким образом, в Кронштадте из крупных кораблей остался лишь полузатопленный линкор «Марат». Крейсер «Максим Горький» еще 22 сентября перешел к Железной стенке Ленинградского Торгового порта. А крейсер «Киров» в ночь на 24 сентября ушел из Кронштадта в Ленинград к стенке завода «Судомех». 11 ноября «Киров» перешел к стенке завода № 194, а 28 ноября – к набережной Васильевского острова в районе 17–18-й линий.

Из-за огня германской артиллерии свои дислокации меняли не только корабли, но даже заводы. Частые обстрелы заводской территории заставили Военный совет фронта 17 сентября 1941 г. дать указание о перебазировании Кировского завода вглубь Ленинграда. Новое место для завода нашли на Выборгской стороне. Первым было переведено производство снарядов. Как писал С.А. Боголюбов, начальник цеха Ф.И. Козодой «быстро собрал коллектив цеха, так как большинство рабочих находились на заводе, домой почти не уходили. К утру 160 станков сняли с фундаментов и погрузили (часть – на железнодорожные платформы, часть – на баржу). Утром буксир потянул баржу на новое место. Козодой с помощниками был уже там. В четырехэтажном здании быстро распланировали поточное изготовление боеприпасов и установили оборудование по потоку. Недостающие 50 станков раздобыли у кировцев.

Все машиностроительное оборудование завода (механический, инструментальный, деревообделочный, меднолитейный, сталелитейный, кузнечный, все вспомогательные цехи и службы) перевезли на новую территорию и пустили в эксплуатацию за две недели. На старом месте остались лишь корпусостроительные цеха»²⁴.

Спасаясь от артобстрелов, свыше 100 тысяч ленинградцев переселились из западных и южных районов города на север. В октябре 1941 г. противник выпустил по Ленинграду 7950 снарядов, в ноябре – 11 230 снарядов. Всего с сентября по декабрь 1941 г. включительно в городе упало 30 154 снаряда.

Очередная выписка из журнала 768-го тяжелого дивизиона: «5.11.41. Дивизион вместе с другими дивизионами, подчиненными командиру 135-й артиллерийской группы, в 8.30 провел стрельбу для маскировки одновременной стрельбы орудий на железнодорожной установке. Речь идет о железнодорожных установках “Короткий Бруно”. В 8.40 дивизион закончил стрельбу по электростанции близ Московского вокзала. Расход 38 снарядов.

В 17.53 батарея вновь выпускает 2 снаряда для маскировки стрельбы железнодорожной батареи. Цель – Балтийский завод...

13.11.41. С 0.18 до 0.31 дивизион обстреливал Московский вокзал по карте. Расход боеприпасов – 10 снарядов. 9.31–9.51 снова стрельба по Московскому вокзалу – 3 выстрела. Эта огневая деятельность снимается на пленку ротой пропаганды.

Ночью сильный налет авиации на Петербург. Оборона зенитной артиллерии и прожекторов очень сильна, но, очевидно, безуспешна...

14.12.41. В 14.30 начинается огневой налет дивизиона по заводу «Красный Металлист». Стрельба окончена в 14.39.

18.12.41. В 14.45 дивизион произвел огневой налет по казарме в излучине Невы. В 14.39 огневой налет (28 выстрелов, из них 4 для согревания²⁵) окончен».

6–7 ноября 1941 г. производилась перевозка войск 8-й армии из Ораниенбаума в Ленинград. В ходе нее германская артиллерия, действовавшая в районе Петергофа, потопила самоходную десантную баржу (вместимостью 1100 брт) с войсками и 22 автомобилями, а на следующий день – тральщик № 178 (буксир «А. Ульянов»).

Точная дата потопления германской артиллерией подводной лодки Л-1 неизвестна. Дело в том, что к началу войны Л-1 находилась на капитальном ремонте на заводе № 196 в Ленинграде. В августе работы на лодке были прекращены, а экипаж ушел на фронт в морскую пехоту. В ноябре-декабре 1941 г. в лодку попало несколько снарядов, и она немедленно стала наполняться водой. Начальству доложили о том, что лодка затонула на мелководье, лишь 27 декабря 1941 г. В 1944 г. лодку Л-1 подняли и отправили на лом.

6 ноября артиллерийский обстрел, начавшийся в 11 ч 35 мин, длился до 18 ч 50 мин. В 21 час начался новый обстрел. От бомб и снарядов в этот день пострадало 333 ленинградца.

7 ноября в 8.00 начался обстрел Ленинграда. Всего за день в городе разорвалось около 200 вражеских снарядов.

В связи со сложной военной обстановкой демонстрация трудящихся 7 ноября не проводилась.

8 ноября в 16 ч 02 мин на Нарвской площади в Ленинграде тремя артиллерийскими снарядами было ранено 16 человек и убито 14. По району Финляндского вокзала противник выпустил 73 снаряда. А всего в этот день на город обрушилось около 300 снарядов.

12 ноября транспорт № 507 «Отто Шмидт» (вместимостью 3549 брт) шел в составе конвоя из Кронштадта в Ленинград. При прохождении Морского канала немцы выпустили по конвою свыше 100 снарядов, два из которых попали в транспорт № 507. На нем был сильно поврежден корпус и возник пожар, который был потушен с помощью ледоколов «Октябрь» и «Волынец». Они и прибуксировали транспорт в Ленинградский Торговый порт. Два снаряда, разорвавшихся во Фрунзенском универмаге, и два возле него убили 10 и ранили 13 человек. А всего 12 ноября в городе разорвалось более 150 снарядов.

13 ноября прямым попаданием снаряда был поврежден корпус тральщика № 210 «Гак», стоявшего в Ленинграде у стенки завода № 189.

22 ноября в Ленинграде разорвалось 250 снарядов, 36 человек убито, свыше 100 ранено.

23 ноября крейсер «Максим Горький», стоявший в Торговом порту Ленинграда, получил попадание снаряда. Выведено из строя первое 180-мм орудие первой башни.

24 ноября в городе разорвалось 210 артиллерийских снарядов. Два из них в 12 ч 25 мин попали в 1-й хлебозавод. Пробив стену месильного цеха, снаряды ранили 7 человек. Вот уж поистине «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам...» Всего от артиллерийского обстрела в этот день пострадало более 120 ленинградцев.

26 ноября в ледокол «Ермак», проводивший конвой из Ленинграда в Кронштадт, попало четыре снаряда. Взрывом была разрушена носовая часть, ледокол вышел из строя.

30 ноября в 16 ч 30 мин у трамвайной остановки напротив дома № 49 по проспекту Карла Маркса разрывом артиллерийского снаряда ранено 16 и убито 9 человек.

4 декабря в Торговом порту Ленинграда артиллерийским огнем потоплен буксир «Штурман». Всего по городу было выпущено 234 снаряда.

21 декабря в 14 ч 00 мин на площади ленинградского Сытного рынка четырьмя артиллерийскими снарядами ранен 41 человек, в том числе 8 детей, убито 55 человек. Всего в городе разорвалось 124 снаряда.

28 декабря в Кронштадте артиллерийским огнем потоплен транспорт «Водолей-1».

С целью противодействия обстрелу германской артиллерией Ленинграда в 42-й армии была создана «Группа дальнего действия» в составе 47-го корпусного артполка и 101-го гаубичного полка РВГК. Оба полка вместе имели двадцать две 122-мм пушки А-19 и сорок шесть 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20.

Только в декабре 1941 г. 47-й артиллерийский полк подавил 14 германских батарей и 7 отдельных орудий²⁶. Здесь и далее к подобным реляциям следует относиться крайне осторожно. В том же секретном источнике на той же странице говорится: «На фронте [Ленинградском] не хватало средств артиллерийской инструментальной разведки. Несколько в лучшем положении находилась в этом отношении артиллерия 42-й армии, что же касается артиллерии Краснознаменного Балтийского флота, то она совершенно этих средств не имела и вела огонь, как правило, по площади без корректирования с самолетов и без контроля средствами звуковой разведки. Вообще с сентября по декабрь 1941 г. только 26 % всех стрельб корабельной и береговой артиллерии проводилось с корректированием огня. Такое ненормальное положение начало выправляться только в феврале 1942 г., когда стрельба береговой артиллерии на подавление батарей противника стала корректироваться средствами звуковой разведки, а в некоторых случаях и корректировочной авиацией.

Надо также отметить, что и в работе самих разведывательных подразделений имелись серьезные недостатки. Например, в своем отчете за декабрь 1941 г. командующий артиллерией фронта отмечал, что подразделения звукометрической и оптической разведки работают медленно, анализ их данных поставлен плохо. Несмотря на то что ряд батарей противника в течение длительного времени вел огонь с одних и тех же огневых позиций, и по ним имелась целая серия засечек, эти батареи не были подавлены. Наблюдение за противником, как правило, поручалось только разведчикам, а командный состав, начиная от командиров батарей и выше, этим делом пренебрегал. Только в редких случаях было организовано сопряженное наблюдение дивизионов (СНД)»²⁷.

Ну, это секретное издание. А в открытом издании «Огневой щит Ленинграда» Н.Н. Жданов пишет иначе: «На центральных звукометрических станциях были подготовлены эталонные ленты с записями выстрелов каждой батареи противника. Наши дальнобойные подразделения имели свои “подопечные” батареи врага, на которые они и были постоянно нацелены. Обычно таковыми являлись батареи врага, наиболее активно обстреливавшие Ленинград.

Исходные данные для стрельбы уточнялись через каждые два часа по мере поступления свежего метеобюллетеня. У наших орудий постоянно находились дежурные расчеты.

При открытии огня противником станции звуковой разведки получали запись на ленте. Сверив полученную запись с эталонной лентой, можно было определить номер цели и передать его на нашу батарею, которая немедленно открывала огонь по цели²⁸.

Жданов пишет: «Ограниченность территории для размещения боевых порядков наших батарей практически исключала какой-либо маневр колесами».

Увы, достаточно бросить взгляд на карту, и даже близорукий человек увидит, что возможностей для маневра колесами у армейской артиллерии было предостаточно. На самом деле армейская артиллерия под Ленинградом стала «полустационарной» из-за отсутствия лошадей и тягачей.

«Следует отметить крайне низкую обеспеченность ее [артиллерии Ленинградского фронта] средствами тяги.

Особенно остро стоял вопрос о конной тяге. Уже в декабре 1941 г. артиллерийские части были укомплектованы лошадьми только на 31 %. В 42-й армии, оборонявшейся на важнейшем направлении, некомплект конского состава достигал 78 % (3419 лошадей). В некоторых стрелковых дивизиях положение с конским составом было просто катастрофическим. Так, в 10-й стрелковой дивизии в конце декабря 1941 г. имелось всего 20 лошадей вместо 1376, полагавшихся по штату, а в 86-й стрелковой дивизии – 24 лошади вместо 747. Убыль конского состава происходила больше от отсутствия фуража, чем от боевых потерь. Лошадей кормили сухой травой, добываемой из-под снега, мхом, ветками, вследствие чего падеж лошадей был весьма большим.

В 1942 г. укомплектованность артиллерийских частей лошадьми еще более ухудшилась, снизившись до 7 % штатной численности. Некоторые артиллерийские части почти совсем не имели лошадей. Например, в конце ноября 1942 г. 30-й артиллерийский полк 10-й стрелковой дивизии имел только девять лошадей вместо 635 полагавшихся по штату, а 412-й артиллерийский полк 168-й стрелковой дивизии – пять обозных лошадей вместо 678. Несколько лучше конским составом была укомплектована артиллерия укрепленных районов и минометные полки РВГК.

Большой некомплект средств тяги имелся и в артиллерийских частях на механической тяге. В ходе тяжелых оборонительных боев на подступах к Ленинграду артиллерия потеряла значительную часть своего автотракторного парка. При организации обороны города командованию фронта пришлось затратить немало усилий, чтобы организовать ремонт и восстановить этот парк. В результате предпринятых мер к 1 декабря 1941 г. удалось увеличить укомплектованность артиллерийских частей тракторами в среднем до 83 %, а автомобилями до 51 %. Тем не менее еще были такие части, где некомплект средств транспорта и тяги был большим. Например, в 42-й армии по учтенным артиллерийским частям РВГК укомплектованность тракторами составляла всего 66 %; в 47-м корпусном артиллерийском полку имелось всего 20 тракторов вместо 45, а в 73-м корпусном артиллерийском полку – всего 40 грузовых и специальных автомобилей вместо 162, полагавшихся по штату (укомплектованность 25 %). Противотанковые артиллерийские полки не могли передвигаться из-за недостатка автотягачей. Например, 4-й противотанковый артиллерийский полк вместо 76 автомобилей, полагавшихся по штату, имел всего три полуторатонных автомобиля (4 %), 5-й противотанковый артиллерийский полк – семь автомобилей (9 %). В остальных противотанковых артиллерийских полках укомплектованность автомобилями была в пределах 13–35 %.

Только пассивный характер действий противника оправдывал риск, допущенный в укомплектовании противотанковых артиллерийских полков средствами тяги...

Хуже всего обстояло дело с укомплектованностью средствами связи, потеря которых не могла быть быстро восполнена. В декабре 1941 г. вся артиллерия фронта радиостанциями была укомплектована только на 41 %, телефонными аппаратами – на 68 % и телефонным кабелем – на 51 %. Многие артиллерийские дивизионы могли проложить между наблюдательными пунк-

тами и огневыми позициями только одну линию связи, соединенную с батареями шлейфами, в силу чего подача команд могла осуществляться лишь последовательно. Нередко вместо телефонного кабеля использовалась колючая проволока. Только к концу 1942 г. укомплектованность артиллерии средствами связи улучшилась: по радиостанциям она составляла 75 %, по телефонным аппаратам – 88 %, и по телефонному кабелю – 69 %»²⁹.

Я умышленно привожу длинные и нудные цитаты из официальных источников, дабы избежать очередного обвинения в «очернительстве» советских вооруженных сил.

Несколько слов стоит сказать об инструментальной разведке артиллерии противника. Участник событий капитан 1-го ранга В.Г. Корт писал: «Инструментальная артиллерийская разведка заключалась в сопряжении теодолитных засечек огненных вспышек стреляющих орудий противника. Такие теодолитные посты были определенным образом (на концах базисных линий) размещены в прифронтовой зоне на юго-западе Ленинграда и в Кронштадте. Автор этих строк в то время служил в Кронштадтском маневренном отряде. Проводя с вышки кронштадтского Морского собора теодолитные наблюдения за огневыми вспышками батарей противника на петергофском направлении, мы довольно быстро убедились в несовершенстве применяемой методики наблюдений, решили использовать для этих целей метод наземной стереофотограмметрической съемки.

К счастью, в инструментальной камере Гидрографического управления ВМФ в Ленинграде была найдена в полной исправности одна пара длиннофокусных стереофотокамер Цейсса, которые в предвоенные годы использовались доктором военно-морских наук А.П. Ющенко, профессором, инженер-капитаном 1-го ранга для разработки метода судовой стереофотограмметрической съемки побережий...

За время с сентября 1941 г. по январь 1942 г. была полностью смонтирована и отъюстирована аппаратура (стереофотокамеры, стереокомпаратор и др.), подобран личный состав и создана группа инструментальной стереофотограмметрической артиллерийской разведки...

6 января 1942 г. группа приступила к определению геодезического базиса, контрольных точек съемки, точек наблюдения, к оборудованию походной фотолаборатории и командного пункта, а 22 января по заданию разведотдела Штаба флота и береговой обороны КБФ начала в ночное время систематическую артиллерийскую разведку новыми методами в юго-западном секторе обороны Ленинграда.

Фотографирование огневых вспышек на первом этапе работы группы проводилось методом нормальной стереофотограмметрической съемки, т. е. когда оптические оси стереофотокамер строго перпендикулярны к линии базиса съемки. В этом случае фотографические координаты цели определялись по объектам формулами фотограмметрии.

Зная геодезические координаты пунктов наблюдения (концевых точек базиса съемки), легко было перейти от фотографических координат цели к геодезическим...

Точность стереофотограмметрического определения координат цели зависит от точности измерения элементов внутреннего и внешнего ориентирования стереопары фотоснимков. Использование группой высокоточного стереокомпаратора Цейсса обеспечивало точность измерения фотографических координат стереопар снимков до тысячных долей миллиметра.

Величина базиса съемки для первой позиции, выбранной между домом № 19 по Международному проспекту (ныне дом № 161 по Московскому проспекту) и Дворцом Советов, составляла 2000 м. Сектор обзора достигал 55° с глубиной разведки до 25–30 км от переднего края фронта противника. Командный пункт группы располагался в доме № 19. Здесь же размещались фотолаборатория и фотограмметрическая лаборатория. Стереофотокамеры были установлены на чердаке дома № 19 и верхнем этаже южного флигеля Дворца Советов. На этой позиции группа проработала с января по июль 1942 г.

В июле 1942 г. прямым попаданием крупнокалиберного снаряда часть дома № 19 была разрушена, в связи с чем северо-восточный пункт наблюдения был перенесен на вышку мясо-

комбината им. С.М. Кирова, а командный пункт группы с лабораториями переведен во Дворец Советов. Новый базис съемки был равен 3000 м. К этому времени группа накопила определенный опыт ведения стереофотограмметрической артиллерийской разведки. Были достаточно хорошо отработаны методы фотографирования огневых вспышек и фотограмметрической обработки данных, поэтому было решено перевести работу пунктов наблюдения на методику с равномерно отклоненными в горизонтальной плоскости оптическими осями стереофотокамер. Использование этой методики позволило расширить сектор общего обзора до 120° . Достигалось это последовательным поворотом стереофотокамер на 40° для каждого частного сектора обзора. В этом случае протяженность разведываемой полосы по переднему краю обороны составляла 12 км, по тыловому – до 35 км при глубине 20–30 км (в отдельных случаях – до 41 км).

С момента работы группы на базисе съемки Дворец Советов – мясокомбинат им. С.М. Кирова стереофотограмметрическая засечка огневых позиций противника стала главным видом артиллерийской разведки.

Для оперативного использования данных стереофотограмметрической разведки в контр-батарейной борьбе необходимо было добиться быстрой обработки стереопар снимков огневых вспышек. С этой целью принимались все необходимые меры. Однако много времени уходило на доставку кассет с мясокомбината в фотолабораторию во Дворце Советов (более 4 км), проявление, сушку негативов стереопар снимков, фотограмметрический промер и вычисление координат цели. Для ускорения обработки фотограмметрический промер проводился по сырым негативам. Для вычисления координат цели использовались специально разработанные номограммы и планшеты. Все это позволило сократить время получения координат стрелявших батарей противника до 30–40 мин с момента начала стрельбы. Поэтому главной задачей группы артиллерийской стереофотограмметрической разведки являлось полностью вскрыть и точно определить расположение неприятельской артиллерийской группировки, систематически обстреливавшей Ленинград.

Ряд контрольных проверок, получаемых стереофотограмметрическим методом координат огневых позиций противника, показал, что точность определения объектов противника на дистанции 15–20 км достигала порядка $1/500$ – $1/400$ дистанции, т. е. находилась в пределах 40–60 м.

Как уже указывалось, основная работа группы по засечкам огневых вспышек стреляющих орудий противника проводилась в темное время суток. Длительность вахт наблюдения колебалась от 6–8 ч в июньские ночи до 14–18 ч зимой. Однако уже в июне 1942 г. при помощи специалистов ленинградской фабрики фотобумаги были начаты опыты по сенсibilизации изопанхроматических фотопластинок к инфракрасной части спектра.

Дело в том, что основным препятствием для дневной фотосъемки огневых вспышек является большая освещенность небосвода, резко забирающая светочувствительную эмульсию фотопленки. Кроме того, при наличии тумана или мглы видимая часть спектра световой вспышки почти полностью поглощается, и потому съемка огневых вспышек на обычные панхроматические фотопленки невозможна. Фотосъемка в инфракрасных лучах при использовании морблитовых светофильтров позволяет преодолевать указанные трудности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.